

The background of the book cover is a photograph of a city street. In the foreground, a hand is raised with fingers spread, acting as a frame for a bright sunburst. In the background, there are tall modern buildings, a street with pedestrians, and a monument with the name 'R. Itapeva' on it.

Аркадий Неминов

18+

Сборник рассказов

**ШЕСТЬДЕСЯТ
ДОРОГ К СЧАСТЬЮ**

Аркадий Неминов

**Шестьдесят дорог к
счастью. Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Неминов А.

Шестьдесят дорог к счастью. Сборник рассказов / А. Неминов —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Эта книга представляет собой сборник из шестидесяти рассказов, написанных от первого лица, которые в разное время публиковались в различных печатных изданиях. Здесь собраны рассказы с неожиданными развязками об обычных людях, которые попали в необычные ситуации на пути к своему счастью. Книга условно разделена на несколько подразделов: истории из жизни, истории о любви, детективные истории, мистические истории и новеллы.

Содержание

Истории из жизни	5
Фото с квитанции	5
Все-таки она женщина...	10
Здравствуй, дед!..	14
Белые грезы Чебаркуля	19
...А человек играет на трубе!	24
Меня зовут Квазиморда	27
Мой друг велосипед	31
Шумел сурово Брянский лес...	34
Секрет счастья	38
Шерше ля фам	42
Я – болельщик!	46
Заколдованный цех	51
Кино, вино и домино...	55
Закономерная случайность	58
Возмутитель спокойствия	63
Вокзальная жизнь	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Истории из жизни

Фото с квитанции

– Петя, ты меня слышишь или нет? – снова донеслось из кухни. – За почтой спустись, пожалуйста.

Нет, она кого угодно достанет! Я нехотя прервал свои послеобеденные бдения под мерно жужжащий телевизор, поднялся с дивана и поплелся на кухню.

– А чего приспичило-то вдруг?

Лена бросила на меня недовольный взгляд и вздохнула с явным укором:

– Счет за электроэнергию должны были принести, да и вообще давно в почтовый ящик не заглядывали. А тебе после еды не мешало бы хоть немного размяться вместо того, чтобы валяться и пузо отращивать!

Я открыл, было, рот, чтобы высказать возражения и насчет размеров своего пуза, и ее возможности забрать почту еще вчера, но только махнул рукой – себе дороже!

В почтовом ящике и вправду наряду с какой-то бесплатной газетенкой лежала квитанция из Мосэнергосбыта. В лифте со скуки я стал ее рассматривать. Надо же, сейчас даже обычные счета стали красочно оформлять к праздникам. На ней, слева от поздравления «С праздником! 9 Мая» под красным победным знаменем было размещено черно-белое фото, явно архивное: встреча восторженно улыбающихся женщин с вернувшимися с фронта солдатами. Но что это? Вдруг в бородатом мужчине на первом плане я с изумлением узнал... САМОГО СЕБЯ – в гимнастерке и пилотке! Под фотографией стояла надпись: «Встреча воинов-победителей 6 июня 1945 года».

Вернее, это был, конечно, другой человек, но с моим лицом! Что за чертовщина?! Я жадно всматривался в знакомые до боли черты – те же глаза, брови, нос, уши!.. Передо мной была моя абсолютная копия! Словом, при других обстоятельствах был бы готов поклясться, что это я и есть!

Совершенно обалдевший, я буквально влетел на кухню, потрясая квитанцией.

– Лена, смотри, узнаешь?

Жена удивленно посмотрела на меня.

– И что там? Опять неправильно начислили за свет? Так ты сам виноват – нечего постоянно телевизор смотреть и...

– Да нет, – прервал я ее обычную тираду, – ты на фото взгляни.

Лена долго и недоверчиво разглядывала изображение.

– Как ты это сделал? Фотошоп, что ли? Ну да, круто! Но зачем? – она снова принялась за кастрюлю. – Меня удивить решил? Ну, удивил, дальше что?

– Да нет же! – воскликнул я с жаром. – Это самая настоящая квитанция и настоящая фотография! Понимаешь?! Это – не я, а кто-то очень на меня похожий! Ты надпись внизу прочитай!

Лена выключила воду и вытерла руки полотенцем.

– А ну дай-ка.

Она снова взяла в руки счет и подошла к окну, словно хотела при дневном свете разглядеть следы моего фото-вмешательства.

– Надо же, – хмыкнула она, – и впрямь вылитый ты! Бывает же так! А ты точно меня не разыгрываешь? – она вновь глянула на меня с сомнением. – А то с тебя станется! У тебя же есть знакомый компьютерщик...

– Лена, такими вещами не шутят!

– А кто он тогда, а? Твой родственник? Ты же вроде говорил, что оба твои дяди по маминей линии погибли на фронте.

– Ну да. Только на одного пришла похоронка, а на второго – извещение о том, что он без вести пропал. Понимаешь? Без вести! Это может означать что угодно! Что он погиб, что попал в плен, что просто потерял память вследствие контузии, и его не смогли идентифицировать. И тогда он вернулся с войны уже другим человеком, с другим именем и фамилией! Может ведь такое быть? А моя бабушка при этом оплакивала живого сына!..

– И что ты собираешься делать? Ведь столько лет прошло...

– Да ничего. А что тут сделаешь? Может, он мне вообще не родственник. Бывают же на свете двойники! Просто прикольно...

– Так-то оно так... Слушай, а давай позвоним в этот Мосэнергосбыт и наведем справки, откуда взялась эта фотография. Может, им ее кто-то принес?

– Вот еще, была охота. Да наверняка просто скачали первую попавшуюся из интернета и все.

– Вот, Петя, ты во всем такой! Неужели тебе самому не интересно, что это за человек на фото? Ты же сам первый обалдел, когда увидел свою копию, да еще семидесятилетней давности! Скучный ты тип, Петр Андреевич! Ладно, я сама им позвоню...

Я только хмыкнул и пошел на свой диван, абсолютно уверенный в безнадежности данного предприятия.

Через некоторое время мои сомнения полностью подтвердились. По словам жены, на том конце провода сначала долго не понимали, что от них хотят, затем равнодушно-вежливо заявили, что этими вопросами справочная не занимается.

– Я же говорил, что это бесполезняк!

Жена смерила меня уничтожающим взглядом:

– Нет, просто так я не сдамся! Сейчас отсканирую это фото и выложу в фото-поисковик в Яндексe. Авось что-нибудь и выплывет!

Мою Лену надо знать. Если ей что-то в голову втемяшится, уже ничто ее не остановит. Ну-ну, интересно, что из всего этого получится. Но в душе я был благодарен жене и даже несколько смущен своим инфантилизмом. Что поделаешь, у нас с ней совершенно разные характеры: я всегда был спокойным как удав, она же – взрывная и заводная. Может быть, поэтому мы с ней и уживаемся...

– Представь, я пихала это фото куда только возможно, но ничего похожего на этот снимок так и не нашла... – Лена растерянно смотрела на меня.

– Не расстраивайся, Леноч, в мире полно загадок. Так одной будет больше... Не парься. Зато можно будет показывать эту квитанцию всем знакомым и хвастать, что я – крутой компьютерщик, освоивший технику фотошопа в совершенстве. Пусть попробуют возразить!

Она только укоризненно покачала головой и ничего не сказала.

На следующий день, придя с работы, я с удивлением обнаружил, что жены нет дома. В кухне на пустом столе лежала записка: «Еда в холодильнике, разогреешь суп в кастрюле и котлеты на сковородке. Я в Мосэнергосбыте. Возможно, задержусь. Целую».

Вот же неугомонная! Судя по категоричному тону записки и особенно по приписке «целую» я сделал два вывода: во-первых, моя жена полна решимости довести дело до конца; во-вторых, она сильно сомневается в его положительном исходе, но остановится уже не может, и потому как бы заранее извиняется.

Дело в том, что Лена абсолютно не сентиментальный человек, и добиться от нее любого слова, хотя бы отдаленно указывающего на некие теплые ко мне чувства, затея глубоко бессмысленная.

Я только пожал плечами. Чем бы дитя ни тешилось... Но в благодарность решил не только помыть посуду после ужина, но и подмести пол на кухне.

Лена пришла довольно поздно и, судя по всему, в плохом настроении, о чем красноречиво говорило ее гробовое молчание. В эти минуты ее лучше не трогать. Пока она гремела посудой на кухне, я, досматривая какой-то скучный футбол, незаметно для себя уснул на диване. Проснулся от шлепка по мягкому месту. Передо мной возвышалась жена, в руке она держала какой-то листок бумаги. На ее лице сияла горделивая улыбка.

– Пляши, Петя! Твоя жена-сыщица добыла для тебя нужную информацию! Только не спрашивай, как! – и она протянула мне листок, на котором ее торопливым размашистым почерком было выведено: «Краснов А. И. – менеджер дизайнерского отдела». И два его телефона – рабочий и домашний.

– И кто этот Краснов?

– Тот самый дизайнер, который оформлял праздничную квитанцию! – удивилась моей тупости жена. – Завтра позвонишь ему, договоришься о встрече и выяснишь, наконец, откуда он взял это фото. Ну, ты рад?!

– Рад, – вяло ответил я. – Только что это нам даст, если я выясню, что он откопал его в каком-нибудь старом архиве? Там же ни имен, ни фамилий, просто некая встреча неких людей в некоем городе.

Лена испепелила меня презрительным взглядом:

– Ты неисправимый лентяй без задора, фантазии и любопытства! У тебя нет интереса даже к своим героическим родственникам или хотя бы двойникам! Ты ничего не потеряешь, выяснив все до конца. Я и так уже сделала для тебя всю черновую работу. Разжевала и в рот положила. Теперь твоя очередь оторвать задницу от дивана. Завтра же свяжись с этим Красновым. И не зли меня, Петр!

Когда жена называет меня полным именем, тут уж не до смеха. Придется, похоже, и мне включаться в эту странную историю с моим двойником на фото с квитанции.

Александр Иванович Краснов оказался упитанным розовощеким юнцом с короткой стрижкой и пухлыми губами. Когда я вошел в гудящий как улей офис дизайнерского бюро, у меня зарябило в глазах от множества стеклянных ячеек, напичканных самой разнообразной техникой, с которой лихо управлялись такие же молодые ребята и девушки.

Выяснив суть моего вопроса, Краснов без труда вывел на монитор своего большого компьютера уже знакомое и ставшее родным фото и, взглянув внимательно на меня, бесстрастно произнес:

– Действительно, одно лицо.

Затем задумался и долго копался в недрах своего смартфона.

– Ага, вот оно! – удовлетворенно произнес дизайнер и улыбнулся одними губами. – Эту фотку прислал мне сын того самого солдата. – Он ткнул пальцем в мою бородатую копию на экране. – Оказывается, он у нас работает где-то в охране. Узнал откуда-то, что готовится серия иллюстрированных счетов к Дню Победы для Мосэнергосбыта, вот письмо с приложенным фото и прислал к нам в отдел. Так оно ко мне и попало. Зачитываю:

«Уважаемые сотрудники дизайнерского бюро! Посылаю вам фото моего отца Аникеева Алексея Алексеевича, сделанное во время встречи воинов-победителей в июне 1945 года на Белорусском вокзале в Москве. Отец прошел всю войну, партизанил, был тяжело ранен и сильно контужен, в результате чего потерял память. В госпитале память так и не восстанавливалась, а поскольку солдатского медальона при нем не оказалось, ему выдали новые документы, в которых он значился уже под фамилией Аникеев – в честь врача, который его оперировал.

После войны он встретил мою мать, и родился я. Всю жизнь он проработал сварщиком на заводе, «висел» на доске почета, состоял в ветеранской организации.

10 лет тому назад мой отец умер, а перед смертью он рассказал мне эту историю и попросил найти его родных по фото, которое ему прислал военный фотокорреспондент по фамилии Ситников еще в 45-м году. Прошу вас, пожалуйста, опубликуйте это фото на квитанции. Может, найдутся люди, которые узнают моего отца – героя-орденоносца.

С уважением, Николай Аникеев, сотрудник охраны».

Я сидел, как оглушенный. Надо же, оказался совершенно прав в своих предположениях! И теперь был почти уверен, что этот бородач – старший мамин брат Борис, ушедший на войну в 20-летнем возрасте и бесследно пропавший в огне сражений. Конечно, на фото он выглядел вдвое старше. Но, учитывая, что ему удалось пережить, это было объяснимо...

– Вы хотите, чтобы я дал вам координаты Аникеева? – вывел меня из ступора голос дизайнера. Он по-прежнему выглядел абсолютно невозмутимым. Видимо, эта история выбила из колеи только меня одного. Неужели подрастающее поколение настолько черствое? Да и не каждый день случаются подобные истории.

– Да-да, конечно, большое спасибо! – воскликнул я с нетерпением.

Боже, какое счастье, что моя Лена заставила меня слезть с дивана. Я спускался по лестнице, на воздух, и душа моя пела. Получается, если на фото действительно мой дядя, то этот охранник Аникеев – мой двоюродный брат! Это же круто, черт подери!.. Надо немедленно с ним связаться!

– Добрый день, я говорю с Николаем Алексеевичем Аникеевым? – мой голос предательски дрожал.

– Да, с кем имею честь?

– Видите ли, мне дали ваш телефон в дизайнерском бюро, куда вы посылали письмо с фотографией вашего отца. Я хотел бы с вами встретиться по этому поводу. Сегодня, если можно.

– Хорошо, – в трубке помолчали, – приезжайте прямо сейчас.

И он назвал адрес дома, возле которого я сейчас стоял.

– Это вы мне звонили? – раздалось за моей спиной.

Я отбросил сигарету и обернулся. В дверях стоял невысокий седоватый мужчина с военной выправкой и живыми карими глазами, одетый в синюю униформу с бейджиком «охрана» на груди. Он хотел еще что-то сказать, но вдруг буквально застыл с открытым ртом. Лицо его приобрело мертвенно-серый оттенок, глаза расширились, лоб покрыла обильная испарина. Он протянул руку по направлению ко мне, силясь произнести хоть слово, но вместо этого стал хватать ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

Да, такой реакции я не ожидал! Хотя это и немудрено, ведь он увидел копию своего отца! Я подскочил к нему, собираясь оказать помощь, но он уже пришел в себя и хрипло выдавил:

– Кто вы?! Что все это значит? Почему вы так похожи на моего отца?

– Меня зовут Петр, и я думаю, что мы с тобой, Коля, двоюродные братья! Будем знакомы! – и я протянул ему свою руку.

Много позже, во время наших очередных посиделок с семьей моего новоиспеченного брата, я спросил, почему он сразу после смерти отца не предпринял попыток отыскать родственников. Ведь в наше время повального интернета и различных возможностей, связанных с телевидением, это было бы сделать не сложно. На что Николай пожал плечами:

– Честно говоря, я не особо верил во всю эту историю. Я не мог понять, почему мой отец молчал до последнего. Ведь у меня и раньше возникали вопросы, связанные с его прошлым, но как только об этом заходила речь, отец тут же замыкался в себе. Вот я и подумал: прошло много лет, и вероятность того, что люди, которые могли бы опознать моего отца по фото,

живы, ничтожно мала! А когда я случайно узнал о готовящейся праздничной серии счетов для Мосэнергосбыта, которые гарантированно увидят миллионы людей, решил: пора исполнить последнюю волю моего отца! Так мы с тобой и встретились, брат. Правда, при этом я чуть было не сыграл в ящик!

– Да уж, как вспомню твое лицо, не по себе делается... Знаешь, Коля, я, наверное, могу объяснить, почему твой отец так долго тебе ничего не рассказывал. Он вполне мог предполагать, что до войны был женат! И если бы вдруг отыскалась его прежняя семья, неизвестно чем бы все это для него кончилось, понимаешь? Он просто не хотел нарушать сложившуюся с твоей матерью жизнь, не хотел подвергать свою новую семью такой опасности.

– Наверное, ты прав! Об этом я как-то не подумал. – Николай немного помолчал, потом взглянул мне в глаза и дрогнувшим голосом произнес: – Петро, я хочу тебе кое в чем признаться: после нашей встречи у меня было сильное желание проверить наше с тобой родство с помощью генетической экспертизы... Но теперь я этого делать не буду принципиально, и знаешь почему? Потому что никакая экспертиза не заменит мне общение с братом! Есть и вторая причина, не менее важная: пока я вижу тебя, возвращаюсь в свое детство. А ведь такая уникальная возможность дается далеко не каждому!..

Все-таки она женщина...

За стенкой раздался грохот бьющейся посуды, и сразу же вслед за ним – мужская отборная ругань. Это произошло настолько неожиданно, что я невольно вздрогнула и вопросительно посмотрела на мать.

– Не обращай внимания, – спокойно проговорила она, прихлебывая чай из блюдца. – У Ирки опять буянят!

– У какой Ирки? Семеновой, что ли?

– Ну, да. Одноклассницы твоей бывшей. – Мама придвинула к себе вазочку с вареньем. – Да ты кушай, кушай, дочка, пока завтрак не остыл. Когда еще теперь приедешь!..

Я действительно последнее время довольно редко посещала свой родительский дом с тех пор, как, выйдя замуж, переехала на другой конец города в квартиру мужа. Все некогда, да некогда. Как белка в колесе: работа – дом, дом – работа! А между ними ребенок и муж со всеми прилагающимися к ним заботами и хлопотами!

Я вдохнула:

– Ты права, ма! Знаешь, когда вчера Димка отвез Верочку к Елене Сергеевне и решил провести у нее все выходные, я тоже решила сразу после работы поехать к тебе. Что, я хуже?

– Ну и умничка! Отдохнешь хоть немного от своей круговерти. Соседи бы только не мешали. – Она с неодобрением глянула на стенку, за которой снова раздались крики.

– Да уж, поотвыкла я от такой слышимости. Все-таки сталинские дома – это не то, что брежневские коробки! А что это за мужик там матерился? Муж ее, что ли?

– Почему муж? Она самая и есть! Да и не замужем она. Кто ж такую возьмет? – мама усмехнулась: – Хотела бы я посмотреть на такого человека... С мамашей своей, Наташкой-алкашкой, опять чего-то не поделили.

– Ты что, мам, – я ведь явственно слышала мужской голос...

– Иркин это голос, Катюша! Неужели забыла? Хотя, конечно, голосок у нее действительно, поглубже еще больше. – Мама немного помолчала, задумчиво помешивая ложечкой остывший чай. – Несчастливая она. Жалко мне ее. Да и не виновата она по большому счету.

– Кого жалко? Ирку? – Я снова невольно вздрогнула, услышав грубый, явно мужской голос, что-то недовольно вдруг забубнивший за стеной.

Конечно, будучи ее ближайшей соседкой, я знала, что Иркина мать очень сильно пьет, – но у кого в семье не было проблем? Да и сама Ирка никогда не давала никому никакого повода жалеть себя. Напротив, вела себя она всегда независимо, дерзко, если не сказать агрессивно.

– Да, Катя. Ты ведь многого не знаешь про Иру. Мы с ее матерью Натальей когда-то очень дружили. Но после того, как у нее трагически погиб первенец – ее пятилетний сын Игорек, – в ней будто что-то надломилось! Она тогда отдалилась от всех, замкнулась в себе.

– Пстой, мама. Разве у Ирки был брат? Я никогда об этом от нее не слышала. Хотя, в общем-то, особо мы не дружили.

– Да, был. Это страшная история. Он ведь погиб фактически у нее на глазах. Выбежал во двор за собакой, а из-за угла вдруг выскочил мотоцикл. Муж ее, Виктор, тогда во всем обвинил Наталью, мол, недосмотрела, с соседками проболтала жизнь единственного ребенка. Любили они оба сына своего безмерно.

– Ужас какой! А что же дальше?

– Дальше... Они очень горевали, а потом горе свое стали водкой заливать. Семейные скандалы стали у них часто случаться. И в основном по пьянке. Пили они очень сильно... Через два года Наташка снова забеременела, и на некоторое время все успокоилось. Но, когда выяснилось что будет девочка, Виктор снова забуянил. Он же всегда хотел только мальчика – такой вот пунтик, бзик, у него был!

Наташку это сильно угнетало, но Витьку своего несмотря ни на что она очень любила и боялась потерять. А тут еще эта девочка должна была родиться! Не хотела Наташка этого ребенка, решила даже на аборт, приходила ко мне советоваться. А я сама тогда была беременна! Конечно, стала ее отговаривать, доводы разные приводить. Ну и убедила не делать глупости. Теперь вот думаю: может и зря, хоть грешно так говорить!

– Ты о чем? – я уже не на шутку была заинтригована.

На мгновение представила себе, что я вот так во время беременности вдруг не захотела бы рожать свою Верочку, и мне чуть дурно не стало.

– Нежеланный ребенок – вот причина всех бед! Причем, не столько у родителей, сколько у самого ребенка. В итоге выгнала Наташка Виктора своего, когда он в пьяном угаре поднял на нее руку. А ведь ей рожать вот-вот! Милицию тогда даже вызывать пришлось! Такой скандал был!

Веришь – нет, Виктор с тех пор, насколько я знаю, так и пропал. Никто его больше у нашего дома не видел.

– И что, Иркина мама замуж так и не выходила больше?

Эта история меня сильно взволновала. Насколько я помнила, у Ирки никогда отца не было.

– Мужа законного не было, а так, через стенку, можно было сделать вывод, что мужчины у моей соседки Наташки были отнюдь не редкостью.

Когда Ирка-то родилась, первое время Наташка жила с каким-то мужиком, но он от нее очень скоро сбежал – кому охота жить под постоянный плач чужого ребенка?

А дальше – больше! Все чаще Наташка стала прикладываться к рюмке, благо собутыльников хватало. Дочку почти совсем забросила, да и работу тоже. А ведь она классный парикмахер, ты же знаешь! Полдома к ней стричься ходили. И хорошо же стригла, но деньги у нее никогда не задерживались...

Ее ведь в свое время даже хотели материнства лишить, да она вовремя за ум взялась. Дочку-то ведь растить все же надо было. Кормить, одевать. Но, странное дело, если и покупала она обнову для дочери, то либо брюки, либо рубашечку, как на мальчишку. Никогда Иру я ее не видела в платье.

– Да, мам, я помню, как в школе Ирка всегда в штанах ходила. Для нас было удивительно, когда она на выпускной пришла в скромном таком платьишке. Правда выглядела она в нем как-то странно и неуклюже. Или мы не привыкли просто... Она, кстати, и курить первой в классе начала. Мы все еще тогда думали, что голос у нее грубый от табака. Да и вся она была такая резкая, мужиковатая, что ли. Подруг у нее никогда не было. Только приятели, да и то среди пацанов. Даже стриглась под мальчика. Говорила, что модно.

– Наташка это ее стригла так. И одевала с детства, как мальчишку. Видно, никак Игорька своего любимого не могла забыть. А голос у Ирки грубый, думаю, не от табака. А от избытка мужских гормонов! Отсюда и повадки мужские. Ведь ждала Наташка мальчика. Думала об этом постоянно. Да и потеря сына сыграла не последнюю роль...

Знаешь, Катя, – продолжила мама, – я считаю, что мысль вполне может материализоваться, если постоянно думать о чем-то.

За стенкой снова что-то сильно загрохотало.

– А где Ирка работает? – спросила я, поморщившись от шума.

– Не знаю, где-то на стройке. Выпивает частенько. Стала еще больше на мужика походить. А как заговорит, со спины вообще не отличишь. А Наташка-алкашка два раза лечилась от алкоголизма. Зашилась даже. Совсем в старуху превратилась. А ведь ей еще год до пенсии.

Но все равно жалко мне только Ирку. Раньше говорили: дети не должны отвечать за своих родителей. Имея в виду детей врагов народа – им же в свое время крепко досталось от

государства. Но всегда и во все времена больше всего доставалось именно нежеланным детям от собственных родителей...

Мама замолчала. За стенкой тоже наступило затишье. Я подошла к окну и посмотрела на свой бывший двор, где детьми мы с подружками так любили играть в свои девчачьи игры. И только сейчас до меня дошло, что с нами никогда не играла Ирка, предпочитая сугубо мальчишеские забавы.

Вдруг раздался резкий звук дверного звонка.

– Ты кого-нибудь ждешь, мама?

– Нет! Пойду, открою! – удивленно ответила она, домывая чашку.

– Я сама открою!

На пороге стояла... Ирка собственной персоной! Я сразу же узнала свою соседку, но как же сильно она изменилась! Передо мной была уже не та прежняя Ирка – дерзкая, насмешливая, вечно кривящая губы в презрительной улыбке. Это уже был совсем другой человек – с изрядно помятой физиономией, в рваной футболке, одетой явно на голое тело, и мужских тренировочных брюках. В давно невымытых коротких темных волосах уже проглядывала первая седина.

Ирка пьяно прищурилась и в следующее мгновение расплылась в широкой улыбке:

– Батюшки, какие люди! Никак Катька приехала! Ну, здорово, здорово! Ух, ты, какая стала! – Ирка бесцеремонно прошла в прихожую. Видно она была здесь частым гостем. – В дом-топустишь? – она рассматривала меня во все глаза. – А тетя Таня дома?

– А, Ирочка! – мама вышла из кухни, вытирая руки полотенцем. – Ты что-то хотела? А ко мне, видишь, дочка ненадолго приехала! – она говорила, как будто оправдывалась.

– Теть Тань, дай тыщу до получки. Ей богу, отдам!

– Ира, я ведь тебе в начале месяца уже давала!

– Вот сразу все и отдам! Ты же знаешь, тетя Тань, мое слово – камень! – Она вдруг громко икнула и прикрыла рот крупной кистью с обломанными ногтями. – Прошу прощенья! – она снова остановила мутный взгляд на мне и подмигнула: – А пойдем-ка, Катюха, курнем на площадку. Пока твоя мать мне займы ищет!

– Я не курю, Ирка и тебе не советую! – я была взбешена наглостью бывшей одноклассницы.

Нет, надо с ней разобраться!

– Ладно, пошли. А заодно и побеседуем! – отчетливо выговорила я.

Ирка только удивленно хмыкнула. Ей явно не понравился мой тон.

Когда мы выходили, я поймала встревоженный взгляд мамы, обращенный на нас обеих.

– Ты что это себе позволяешь, соседка? – начала я, когда мы спустились на пол-этажа ниже. – Врываешься, как к себе домой, буквально требуешь деньги в долг, не отдав прежний, и вообще, ведешь себя у нас по-хозяйски! Тебе не кажется, что это все слишком?!

Ирка долго исподлобья вглядывалась в меня, словно изучая, с какой стороны лучше напасть, затем, не спеша, дрожащими пальцами достала из заднего кармана треников мятую пачку сигарет и с удовольствием затянулась.

– Я что? Я ничего! Никого не трогаю. А в свой законный выходной день имею право немного расслабиться. Ты что-то имеешь против? – все это она проговорила лениво, как будто смакуя каждое слово, смотря при этом мне прямо в глаза. – Что ты вообще знаешь о моей жизни, вся такая чистенькая, ухоженная? А ты знаешь, что такое вкалывать на стройке? Мне иногда даже пожрать некогда! Прихожу домой, а там голяк беспросветный! С мамашей говорить не о чем. Уставится в стенку, и только одно от нее и слышишь: отстань от меня, не до тебя, не лезь в душу! А кто ее от психушки спас, когда ее с белой горячкой увозили? Кто насильно ее зашил?

А-а-а, что говорить! Тяжело мне, Катька! В выходной день одна только радость – выпить и забыть про жизнь эту проклятую!

Ирка сползла по стенке и села на корточки. Потом подняла на меня глаза, в которых стояли слезы.

– Вот ты мне скажи: для чего человек живет? Вот ты – для чего?

Я немного опешила от такой ее тирады. Никак я не ожидала, что наш разговор может принять такую вот форму.

Мое молчание Ирка восприняла по-своему.

– Вот, не знаешь! А еще вопросы всякие задаешь! – Она презрительно выплюнула окурок.

– Почему не знаю? Знаю и очень хорошо! – Я уже взяла себя в руки. – У каждого человека свои цели в жизни. Я, например, живу ради своей дочери и мужа, ради любви к ним, а также к своей матери, которую, правда, последнее время редко посещаю... Послушай, Ирка, тебе надо взять себя в руки! Ну, посмотри, на кого ты похожа! Ты ведь женщина! А выглядишь – только не обижайся – как пьяный биндюжник!

– Кто? – Ирка была озадачена.

– Не важно! Важно, что не как женщина!

– А я себя ею никогда и не ощущала. – Ирка встала с корточек и оглядела себя.

Мне даже показалось, что она немного протрезвела – настолько осмысленным был ее взгляд.

– Знаешь, Катька, а я ведь одно время – давно, правда, – хотела даже ребеночка из детдома на воспитание взять! Правда, правда! Только вот, как подумаю, через сколько всего надо будет пройти, сколько документов разных собрать, в ступор вхожу и сразу выпить тянет. А потом еще как на мамашу свою горемычную гляну, такая меня ненависть берет ко всему, что и жить не хочется.

– И зря! Может, ребенок этот детдомовский и есть твоя цель в жизни! И еще, Ирка, прошу тебя пока по-дружески: к матери моей кончай шастать и деньги кланчить. Да и со своей полегче, что ли. Через стенку ведь не только нам слышно. А если у тебя будут приводы в милицию, не видать тебе ребенка, как своих ушей. А с документами я тебе помогу. Юрист, как-никак! По блату – как однокласснице и соседке! Ты только решение прими. Слышишь, Ирка?

Но Ирка не отвечала. Казалось, она ушла глубоко в себя. Она смотрела на меня, но, казалось, меня не видела. И было странно наблюдать за ней – такой неуклюжей, с мужской фигурой, грубыми чертами лица, растрепанной и неопрятной. Странно, потому что мне вдруг почудилось, что из почти мужского ее обличья, наконец, проглянула душа женщины. И эту робкую попытку пробиться отражали ее глаза. Пустые только на первый взгляд!

Наконец, она словно очнулась.

– Спасибо тебе, подруга. Я подумаю. – Ирка поднялась по лестнице и скрылась за своей дверью.

Она первый раз за всю свою жизнь назвала кого-то подругой...

Здравствуй, дед!..

На плацу лихо вышагивал взвод лейтенанта Стародубца, совсем недавно прибывшего к нам в часть из училища. Я вздохнул: с таким же рвением и я когда-то муштровал вверенный мне личный состав. Неужели пролетели целых пятнадцать лет?! Уже совсем скоро в моей жизни не будет ни этого плаца, ни полигона, ни стрельбищ, ни офицерского клуба, где я коротал вечера со своими друзьями-однополчанами... Нелегко, ох, нелегко далось мне это решение...

На КПП я в последний раз окинул долгим взглядом родную часть, козырнул дежурному сержанту, и... здравствуй, моя новая жизнь! Я трясся в рейсовом автобусе, а в голове все еще звучали слова нашего «замка» подполковника Баранникова:

– Ты хорошо подумал, майор? – Внешне спокойный, он смотрел на меня поверх очков, но его волнение выдавали кисти рук, отбивающие нервную дробь по столу.

– Так точно, товарищ подполковник! – четко отпартовал я.

Он недовольно поморщился, встал из-за стола и нервно заходил по кабинету, заложив руки за спину.

– Ну чего тебе не хватает? Отличный офицер, прекрасный послужной список, никаких нареканий, полгода назад только майора получил! – он остановился напротив меня. – Может, передумаешь, Александр Николаич? Давай я тебя в отпуск на месячишко отправлю? Как раз на майские праздники! Поправишь дела свои и назад, а?

Я отрицательно мотнул головой.

Он сел на место, вздохнул и подписал мой рапорт об увольнении в запас.

– Неужели все так серьезно, что тебе и военная карьера побоку?

– Серьезно, Анатолий Васильевич! Вы же знаете, жена от меня ушла, детей забрала...

А тут еще мама на днях померла!.. Схоронить надо по-человечески! Дом в поселке остался, хозяйство большое. Я ведь один у нее был... И со всем этим надо что-то делать, да и жену как-то возвращать... Поверьте, товарищ подполковник, я знаю, что поступаю правильно! А армия... останется со мной навсегда!..

После скромных поминок, на которых присутствовала половина поселка, ко мне подошла наша соседка и давняя подруга моей мамы тетя Валя.

– Ты, Санечка, не обижайся, но народ удивляется, почему ты без семьи приехал на похороны?

– Ушла от меня Нина, тетя Валя! Не вынесла тягот военной службы! – я зло усмехнулся. – Я ведь, можно сказать, из-за нее из армии уволился!

– Вона как? – она в задумчивости пожевала губами. – А дальше что делать думаешь? Останешься здесь или дом с хозяйством продавать будешь? А то я бы купила! Ведь сколько лет бок о бок прожили-то! Ты ведь когда после десятилетки уехал в училище свое поступать, Вера Никитична, бабушка твоя, слегла и почти не вставала. А Настюше работать надо было – без нее почта точно закрылась бы! Вот я за Никитичной, почитай, пять годков и ходила! И хозяйство почти все на мне держалось, и вообще! Жалко мне маму твою – совсем ведь еще молодая была! А ведь я говорила ей: «Плюнь ты, Настя, на Кольку своего непутевого: раз ушел этот кобель, значит, мизинца твоего не стоит!» А она все десять лет по нему сохла! Вот и сгорела быстро! Да и ты, Санечка, редко навещал ее – чего уж тут греха таить! Я понимаю, конечно, ты – человек военный, подневольный, но хоть раз в год мог бы привезти внуков погостить у бабушки?

– Тетя Валь, не травите душу! Нина не любила сюда приезжать. Если у нас и выдавалась возможность, отдыхали с детьми на море. Думал, успеем еще и к бабушке съездить, и ее с

собой на море взять... Вот и съездили!.. А дом этот, действительно, продавать придется и перебираться в город. Там и работу легче найти, и квартиру купить можно! Тогда, может, и Нина с мальчишками вернется...

Она посмотрела на меня с сомнением и вздохнула:

– Знаешь, Саня, ты не обижайся, если что не так скажу – я ведь тебя с пеленок знаю, но не любит тебя твоя Нинка! Баба от любимого мужика по собственной воле ни за что не уйдет – даже из самой распоследней дыры! Поверь уж мне!..

Вопрос насчет продажи недвижимости решился быстро. Суммы, которую предложила мне соседка за дом и хозяйство, в принципе хватало и на покупку квартиры в городе, где я собирался обосноваться, и на первое время, пока не устроюсь на работу. Единственным условием, выдвинутым тетей Валей, было освобождение дома от «всего хлама, скопившегося здесь со времен царя Гороха!»

«Ты пойми, Сашок, негоже жить в доме, где все пропитано духом усопших, как бы хорошо я к ним не относилась! – извиняющимся тоном говорила она мне, поясняя свою просьбу. – А заодно и вещи, какие тебе дороги, забереешь! А я тебе в помощь своего Степана пришлю!»

Три дня я провел в доме, где прошло мое детство. Часами сидел за альбомами с фотографиями, с грустью перебирал милые сердцу безделушки, просматривал документы. Только сейчас я до конца осознал, что больше никогда не увижу ни этих стен, ни предметов интерьера нашего скромного жилища, ни всех этих вещей. И уже второй раз за короткое время мысль о невосполнимой утрате больно отозвалось в моем сердце...

Полдня вывозили мы с мужем тети Вали на свалку все, что когда-то составляло жизнь моих родных. Наконец, дело дошло до большого темно-коричневого старого шкафа, занимавшего чуть ли не половину маминой спальни. Этот потертый шкаф простоял в нашем доме лет пятьдесят, но до сих пор был еще крепок. Больших трудов стоило нам разобрать его, чтобы вывезти из дома по частям.

«Смотри, Саня, что я нашел! За полку завалилось! – воскликнул Степан, держа в руке какой-то пожелтевший от времени маленький квадратный клочок бумаги. – Это же похоронка! – он поднял на меня глаза: – На деда твоего!»

Дрожащими руками я взял драгоценный документ, о существовании которого знал от бабушки. Будучи старшеклассником, я пытался как-то его найти, чтобы принести в школу, когда там оформляли музей боевой славы. Но, к сожалению, перерыв все верх дном, мы с бабушкой тогда его так и не нашли. Помню, насколько я огорчился, ведь принести в школу свидетельство боевого подвига деда, дорогого стоило! И вот теперь он отыскан...

Так вот ты какая – легендарная похоронка! В документе, именуемом «Извещение», значилось:

«Ваш муж, ст. лейтенант командир взвода... – далее следовали фамилия, имя и отчество моего деда. – Уроженец... – был указан наш адрес. – В бою за социалистическую Родину, верный воинской присяги, проявив героизм и мужество, был убит 12. 04. 1943 в р-не станции Новая... – далее указывались ее координаты, – и похоронен в братской могиле деревни Хохловка...»

Я с грустью смотрел на полустертый штамп с номером стрелкового полка, где служил мой дед; на слабый отпечаток полковой печати; на подписи начальника штаба и комиссара полка, которым довелось поставить точку в героической летописи жизни одного из своих бойцов. В своих руках я держал последнюю и единственную нить, связывающую меня с моим предком, которого я никогда не видел, но которым безмерно гордился!

А уже через неделю я ехал в ту самую деревню Хохловку вблизи станции Новая, чтобы положить цветы на могилу деда и рассказать ему о своем житье-бытье.

Далеко не сразу мне удалось разыскать место, где когда-то находилась та деревня – теперь там разросся поселок городского типа. И только расспросив местных старушек, я отыскал скромный обелиск на окраине поселка рядом с лесом. Судя по всему, дорогу сюда не забывали: у подножья лежали букеты полевых цветов. Правда, цепь, которой был обнесен памятник, сильно поржавела и требовала реставрации.

Я подошел ближе, достал носовой платок и протер поверхность постамента, на котором были выбиты имена похороненных здесь бойцов. Острой болью кольнуло в сердце, когда среди восьмидесяти четырех других я увидел фамилию деда.

– Ну, здравствуй, дед! Это я, Саша, твой внук! Вот мы и встретились! Видишь, как все получилось? Из армии я уволился, а жену удержать все равно не смог! А ведь мы любили друг друга! Знаешь, ради меня она на многое пошла: бросила профессию, отчий дом, родителей. Когда появились близнецы, думал, что семья наша только укрепится. Но чем старше они становились, тем сильнее она хандрила, устраивала мне сцены: дескать, надоело ей по гарнизонам мотаться и мальчишек из школы в школу переводить! Но она же знала, дед, что выходит замуж за военного! И вот она уехала, а что делать мне! Как ты считаешь, теперь, когда я уже на гражданке, она вернется, Или все же тетя Валя права? Молчишь? Вот и я не знаю!.. Ну, что ж, прощай, дед! Пусть тебе и твоим боевым товарищам эта земля будет пухом! – Я низко поклонился останкам бойцов, сложивших голову у деревни, которой давным-давно уже нет на карте...

– У вас тоже здесь родной человек похоронен? – неожиданно раздался за спиной негромкий женский голос.

Женщина неопределенного возраста, закутанная до глаз в светлый платок, подошла к обелиску с большим пластиковым пакетом в руке и стала выкладывать из него бутылку с водой, тряпки, щетку, небольшой веник.

Я кивнул:

– Мой дед!

– А я вас раньше здесь не встречала! – она с интересом рассматривала меня. – Вы ведь не местный?

– Да, я издалека! Совсем недавно узнал, где он похоронен... Вот приехал поклониться его праху...

– А я приезжаю сюда два раза в год – перед майскими и осенью, в свой день рождения! Ведь если бы не мой дедушка, и меня на свете не было! – она вздохнула. – Меня зовут Мария, будем знакомы!

– Александр! – я пожал руку женщине. – А давайте я вам помогу!

Вместе с Марией мы быстро навели порядок и по дороге к станции разговорились. Я рассказал немного о себе.

– А я сразу догадалась, что вы военный! – сказала она. – Мой муж тоже был офицером. Они с сыном разбились на машине – в них врезался грузовик с пьяным водителем. Тогда я думала, что жизнь закончилась вместе с их уходом. Три долгих года я ходила на кладбище, как на работу, на себя махнула рукой, буквально превратилась в тень. Но потом, наконец, поняла, что они не одобрили бы, если я так бездарно угроблю свою жизнь. Тогда я взяла себя в руки, устроилась работать в детский дом, чтобы помочь другим детям адаптироваться к нашей непростой жизни. И вы знаете, Александр, мне стало гораздо легче! А вы чем собираетесь заниматься?

Я развел руками:

– Не знаю! Сначала квартиру куплю, а там посмотрим! Может, в охрану куда-нибудь устроюсь. Жену попробую вернуть...

Она посмотрела на меня долгим взглядом:

– Любите ее? – и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Если любите, боритесь за нее!

Я вспомнил слова тети Вали, и сомнение в первый раз за все время шевельнулось в моей душе.

– Скажите, Мария, а вы бы могли бы так поступить на ее месте?

– А я и была на ее месте! – просто ответила она. – Я ведь вместе с мужем где только не «служила»! Я – учитель по профессии, а дети есть везде...

Мы подошли к станции, Мария сняла платок, и майский ветер растрепал ее длинные темно-русые волосы, стянутые сзади в конский хвост. Прикрыв глаза, она подставила ветру лицо. Освещенное весенним солнцем, оно показалось мне на редкость гармоничным. Даже ранние морщинки на переносице и в уголках глаз не портили его. Передо мной стояла еще совсем молодая и привлекательная женщина, и я невольно залюбовался ее неброской естественной красотой.

– Ну, что ж, будем прощаться, Александр! Нам с вами в разные стороны.

– Она протянула мне руку:

– Дай бог, свидимся. Желаю вам счастья!

Не раз и не два делал я тщетные попытки вернуть свою бывшую семью, но Нина и слушать ничего не хотела. Несколько раз я подкарауливал сыновей возле школы и пытался поговорить. Не знаю, что такого им про меня наговорила жена, но беседы не получалось. Они только смотрели исподлобья и молчали всю дорогу как партизаны.

Все окончательно прояснилось, когда, уже отчаявшись, я как-то усадил пацанов на лавочку и устроил допрос «с пристрастием». Оказалось, что мама «уже давно встречается с дядей Володи», и скоро мы все уедем жить к морю, где у него есть свой дом»...

После развода я впал в жуткую депрессию, начал выпивать, чуть, было, не вылетел с новой работы. Я не мог простить бывшую жену, перечеркнувшую в одночасье все, что было между нами. И все сильнее казнил себя за то, что порвал со службой, искалечил свою жизнь. Много бы я отдал, чтобы вернуть все назад... Но сделанного не воротишь...

Кое-как оправившись, я пытался встречаться с другими женщинами, но, как правило, это были кратковременные, ни к чему не обязывающие знакомства. И Чем больше неудач меня постигало в поисках утраченной половины, тем чаще всплывал передо мной образ женщины в светлом платочке у обелиска.

Наступали майские праздники, и мне снова захотелось съездить на станцию Новая, чтобы положить цветы на могилу деда и поделиться с ним накопившимся за год. А еще мне очень захотелось увидеть Марию...

Памятник павшим воинам оказался довольно грязным, повсюду валялась прошлогодняя листва. И это меня очень удивило, ведь по моим расчетам Мария должна была уже здесь побывать.

– Здравствуй, дед! Это опять я! Вот, приехал поздравить тебя с днем Победы! Ну, как ты тут? Знаю, о чем спросить меня хочешь! Нет, дед, пока ничего хорошего в моей жизни не произошло. По армии по-прежнему скучаю, жену потерял окончательно, а пацаны мои общения со мной не хотят...

А помнишь Марию, ту женщину, что приходила сюда? Есть в ней что-то настоящее, правда? Очень она мне в душу запала! Не знаешь, почему ее не было здесь? Уж не случилось ли чего? Я найду ее, обещаю тебе!..

Отыскать единственный детский дом в городке, название которого упомянула Мария при нашей первой встрече, большого труда не составило. Но когда я уже стоял перед ржавой калиткой в заборе, окружавшего обшарпанное двухэтажное здание, меня вдруг охватила несвойственная мне робость. Что я ей скажу? Зачем пришел?

Наконец, на мой звонок откликнулся недовольный сиплый мужской голос:

– Чего надо?

– Мне бы Марию!

Дверь заскрипела, и показалась заспанная физиономия с мутным взглядом.

– А ты кто ей будешь? – мужик икнул, обдав меня смесью чеснока и перегара.

Не успел я открыть рот, как за воротами зазвенел возбужденный детский голосок:

– Митрич, двери в столовку опять заклинило!

– Ах ты, холера ясная! – выругался мужик, затем вдруг заговорщицки мне подмигнул: – Слышь, мил человек, сгоняй за поллитрой, а я тебе, про Машку все расскажу!

Калитка захлопнулась, я только руками развел и поплелся в ближайший магазин. Зато уже через час узнал от Митрича, исполнявшего обязанности завхоза, садовника и сторожа в одном лице, что «бедняга уже почитай неделю находится в местном лазарете с воспалением легких». Я сразу же поехал по указанному адресу, купив по дороге фрукты и букетик полевых ромашек.

Мария искренне удивилась, увидев меня снова. Сидя в коридоре, мы проговорили целых два часа обо всем на свете. А когда неспешным шагом я провожал Машу до палаты, неожиданно для себя вдруг спросил:

– А вакансии в вашем детдоме имеются? Вы меня извините, но там – сплошной разгром и запустение! От Митрича вашего толку мало. А я – офицер, значит, умею делать все! Да и здоровьем вроде бог не обидел. И вашему хозяйству наверняка не помешают дополнительные руки и голова!

Она посмотрела на меня внимательно:

– Вы правы, Саша! Пьянчужку этого давно было пора уволить, но только не идет к нам никто! Кому нужны брошенные и, порой, озлобленные дети, да никакая зарплата?! Но если вы и впрямь надумали, милости просим! – и она широко мне улыбнулась.

И я почувствовал небывалое облегчение, словно сбросил с себя тяжкий груз...

Прошло время и теперь мы с Машей вместе. И когда в очередной раз я приехал к братской могиле, мне было, чем еще порадовать деда.

– Здравствуй, дед. Мы с женой хотим познакомить тебя с твоим правнуком! Он назван в честь тебя! Ты только взгляни на него – какой он славный! И хотя ему только три месяца, он уже все понимает! У нас все хорошо. Моей Маше предложили возглавить наш детский дом, и она согласилась! На мне все хозяйство держится. Кроме того, я стал преподавать нашим детям ОБЖ и военное дело!

Посмотри, дед, на детей, что рядом с нами. Это наши питомцы! Хорошие ребята, хоть и не без проблем! А у кого их нет, дед? Знаешь, мы все вместе решили обновить этот памятник и благоустроить территорию вокруг него! Я очень хочу, чтобы и они гордились всеми, сложившими здесь голову. И хотя этого места уже нет на карте, зато есть наша земля, на которой мы все живем, благодаря вам...

Белые грезы Чебаркуля

Озеро Чебаркуль встретило нас искрящимся на утреннем солнце снегом и абсолютной тишиной. Я глубоко вдохнул чистейший морозный воздух и посмотрел на небо – ни облачка!

– Красота! – я оглянулся на моего спутника, который шел за мной след в след по глубоким сугробам. – Похоже, мы – первые! Хорошо, что мы поехали не в выходные!

Угу, – усмехнулся он в седые усы, – вся рыба теперь наша!

Мы подошли к отлогому берегу. Ровная, ослепительно-белая поверхность одного из самых красивых уральских озер с обеих сторон упиралась в небольшие лесистые островки. Я где-то читал, что с тюркского один из вариантов названия этого озера так и переводится – «красивое озеро»! И это была чистая правда!

С моим соседом и давним приятелем по рыбалке Михалычем мы знакомы с самого моего детства. Это он прирастил меня к рыбалке. За десять лет мы с ним объездили на его старенькой «ниве» чуть ли не все окрестные озера Челябинской области, но именно Чебаркуль, славящийся своими чистейшими родниковыми источниками и разнообразием рыбы, мы выделили особо.

Может, сегодня пойдем на глубину, а, Михалыч? – с надеждой спросил я напарника. – Вдруг опять сига вытянем!

– Так уж и вытянем... – с сомнением произнес он. – А полтора километра пехом переть? Давай лучше здесь, у бережка? – он взглянул на мое сразу же вытянувшееся лицо и улыбнулся: – Совсем не жалеешь ты старика, Мишаня! Мне ведь не шестнадцать! Ладно, тряхнем стариной! Что не сделаешь ради твоей мечты!

Я повеселел:

– Михалыч, ну, мы ж с тобой никуда не торопимся, глядишь часам к девяти потихоньку и дойдем. Зато и рыба там крупнее! Помнишь, какого сига ты вытащил напротив острова? Еле в лунку пролез!

– Сравнил! Я тогда на два года моложе был, да и Колька помогал...

– Не бойсь, старик, на этот раз мы сами справимся!

– Эх, мне бы твои годы! – Михалыч вздохнул мечтательно, затем сдвинул ушанку на затылок и хитро мне подмигнул: – А что, может, и вправду нам сегодня повезет?!

Мы с Михалычем любим зимнюю рыбалку за чистый снег, за крепкий морозец, за свежий воздух, за возможность ловить в любой точке любого озера.

Следя за сторожками в ожидании первой поклевки, мы ведем неспешный разговор о всякой всячине, и мне кажется, что нет ничего прекрасней этих наших рыбацких посиделок. И только одна мысль всегда омрачает мое радужное настроение – о том, что завтра надо опять идти в ненавистную школу и учить уроки. Эх, если бы можно было сделать так, чтобы сразу стать взрослым, а лучше – пенсионером, как Михалыч!

Но сейчас я об этом не думал. Пока стоит хорошая погода, надо пройти по заснеженному льду довольно приличное расстояние, а это не так-то просто, учитывая нашу амуницию – толстые тулупы и огромные валенки с галошами, которым на страшен даже пятидесятиградусный мороз.

Михалыч, еще довольно крепкий на вид старик, все же, любит пожаловаться на здоровье и преклонные годы. Он невысок, коренаст, широк в плечах, поэтому смотрится таким силачом-тяжеловесом. Всю свою жизнь он проработал токарем на машиностроительном заводе, недавно вышел на пенсию, и теперь сильно скучал по работе и своим приятелям-работягам.

Я видел, как тяжело привыкать ему к новой жизни, и, как мог, старался уделять внимание недавно овдовевшему старику, ведь он был для меня ближе родного отца, которого я даже не помнил...

Ну, здесь, что ли, остановимся, Мишаня? – тяжело отдуваясь, произнес Михалыч. – Кажись, в этом месте мы тогда сидели.

– Да нет, вроде бы чуток подальше, но можно и здесь. И так уже километра на полтора от берега отошли!

Через некоторое время, когда все приготовления были завершены, мы, сидя над своими лунками, наслаждались тишиной, природой, любимым занятием и обществом друг друга.

– У тебя клюет, Мишаня? – в полголоса осведомился Михалыч, которому уже не терпелось поболтать.

– Пока нет... – начал было я, но договорить не успел: небо вдруг озарилось нестерпимо яркой вспышкой, резанувшей по глазам, и раздался грохот такой оглушительной силы, что у меня заложило уши. Все вокруг затряслось, и я инстинктивно упал лицом в снег.

«Падение самолета, боевая ракета, бомбежка?!» – пронеслись в мозгу предположения.

– Ложись, Мишаня, – не своим голосом запоздало крикнул Михалыч и рухнул на меня всем своим грузным телом, закрывая от обстрела.

Не успел я сообразить, что произошло, как совсем рядом с нами послышалось жуткое шипение, как будто, разом зажглись тысячи бенгальских огней, затем раздался душераздирающий скрежет, грохот и такой мощный удар, что нас подбросило надо льдом, словно пушинки. На мгновение я потерял сознание, но перед этим увидел, как недалеко от нас взметнулся огромный, до четырех метров, столб воды и льда. Сразу же в носшибануло сильнейшим запахом озона, и... наступила гробовая тишина...

Очнулся я от голоса, просочившегося в мое сознание сквозь вязкую белую пелену:

– Ты жив, что ли, друг ситный? Вставай, опасность миновала, война уже закончилась!

Я открыл глаза и огляделся. Мы с Михалычем по-прежнему находились на льду озера, были живы и относительно здоровы – уши у меня до сих пор были словно заложены ватой.

– Что это было, Михалыч?

– А черт его знает! Скорее всего, наши вояки по ошибке саданули чем-то не туда! Хорошо еще, что мимо! Там, кажись, полынья приличная образовалась на месте падения снаряда.

Когда мы подошли к огромной, метров восемь в диаметре, круглой полынье, усыпанной по периметру мелкими осколками льда, предположения насчет «ошибки наших вояк» вызывали сильное сомнение. Ни один снаряд или ракета не смогли бы проделать в тридцатисантиметровом льду такую громадную пробоину!

Я вспомнил все, что предшествовало удару: вспышку света, взрыв на высоте, шипение, запах озона, столб воды со льдом, – и внезапная догадка озарила меня. Неужели это...

– Метеорит, Михалыч, ты понимаешь, это был МЕ-ТЕ-О-РИТ!!!

– Метеори-и-ит? – старик разинул рот от изумления. – Это навроде Тунгусского, что ли? Не может быть!

– Эх, вот бы его достать! – я опасливо сделал шаг по направлению к проруби.

– Это с двенадцати метров-то? Могу себе представить, сколько весит эта хреновина! И ни одной души, кроме нас!.. Постой, а что это там чернеет? – подслеповато щурясь, он ткнул заскорузлым пальцем в две черные точки в метре от того места, где мы стояли.

Я подошел ближе и увидел два маленьких черных камешка, вплавленных в ледяные осколки. Они очень четко выделялись на бело-голубом фоне льда. Осторожно, словно на археологических раскопках, я отколупнул их перочинным ножом и взвесил их на руке. Граммов по пятьдесят каждый, не больше сантиметра, шероховатыми на ощупь и еще теплые.

– Пляши, Михалыч, я оказался прав – вот они небесные камешки! Нам с тобой они принесут счастье!

– Счастье, Мишаня, что мы живы остались! Давай-ка собирать манатки и дуть отсель, пока не набежали разные ученые да журналюги. Ведь затаскают по интервью всяким: мы же теперь вроде как очевидцы!

– Но это же круто, Михалыч! – воскликнул я, живо представив себе, как раздаю интервью иностранным журналистам. – Может, и премию какую дадут!

– Ага, догонят и еще раз дадут! Кому говорю, собирайся, не до рыбалки нынче!

Я не помню, как мы добрались до берега. Все мои мысли были заняты этим грандиозным событием поистине мирового значения! И только мы – единственные свидетели свершившегося чуда, которое последний раз имело место более века назад! И сейчас в моем кармане лежали два малюсеньких доказательства этого факта.

Уже в машине я достал из кармана наши драгоценные находки, чтобы рассмотреть их как следует. Камни имели черные, будто оплавленные, поверхности с серыми разводами. На первый взгляд ничего особенного. Я даже осторожно их понюхал – они ничем не пахли.

– Ты их еще лизни! – съязвил Михалыч, искоса наблюдая за мной.

– Знаешь, а давай по-братски разделим их! – предложил я, не обращая внимания на его сарказм. – Пусть они хранятся у каждого, как напоминание об событии!

– Я не возражаю! – пожал плечами Михалыч, забирая у меня один из камней. – Только ты, слышь, Мишка, об этом молчок! Уговор?

– Уговор!

Матери я ничего говорить не стал, да и не до того было: по всем телевизионным каналам только и твердили, что о падении громадного метеорита, натворившего немало бед в нашем областном городе. И я сделал однозначный вывод: старик был прав – нам не стоит даже высказываться!..

Спать я лег в легком волнении: мне почему-то казалось, что с той минуты, как мне в руки попал небесный камень, моя жизнь круто изменится. На чем была основана такая моя уверенность, сказать трудно. Просто интуитивно я чувствовал, что это так!

Проснулся поздно. Какое счастье, что впереди два выходных и не надо идти в школу! Как мне придется выкручиваться в понедельник, чтобы оправдать мой вчерашний прогул, я даже думать не хотел. Что-нибудь придумаю – не впервой!

Я сладко потянулся и вдруг почувствовал непривычную тяжесть и ломоту во всем теле. Простудился, что ли? Еще бы, столько проваляться носом в снегу! Поднявшись и сунув ноги в тапки, почему-то показавшиеся мне несколько великоватыми, я поплелся в ванную. Ничего не понимаю, что происходит? Пока шел, у меня было полное ощущение, что попутно я тащил на себе и свою пудовую гирию! Точно, я заболел!

– У нас есть что-нибудь от простуды? – крикнул я маме, гремевшей кастрюлями на кухне, и вздрогнул от звучания собственного голоса: это был хрип с какими-то старческими визгливыми интонациями!

– Что ты сказал, сынок? – отозвалась мама, но я ничего не ответил, потому что увидел такое, отчего у меня разом отнялся не только язык, но и все тело: из зеркала на меня смотрело НЕ МОЕ ЛИЦО!!!

Вернее, оно было мое, но сильно состарившееся, испещренное глубокими морщинами, с темными кругами под глазами и нездоровым старческим румянцем на впалых щеках. Но самое страшное, моя голова была абсолютно лысой! Даже Михалыч с его буйной седой шевелюрой в свои шестьдесят три выглядел куда моложе! За одну ночь я превратился в дряхлого старца!

– Сынок, – снова раздался мамин голос, – с тобой все в порядке?

– Да-да! – я включил воду, запер дверь ванной на щеколду и без сил опустился на холодный кафельный пол. Меня трясло как в ознобе. Это же бред! Этого просто не может быть!..

С брезгливым отвращением я разглядывал свои худые, как палки, руки и ноги, обтянутые сухой желтоватой кожей, впалую грудь, и от ужаса мне хотелось выть.

Так, надо взять себя в руки. Спокойно, будем рассуждать логически: если меня внезапно настигла какая-то ужасная болезнь, то такое превращение все равно не могло произойти за

несколько ночных часов! Значит, это... мне только снится! Сейчас снова взгляну на себя в зеркало, и эта мерзкая старая рожа испарится, как мираж!

Я поднялся с пола и, зажмурившись, подошел к зеркалу. Сейчас все прояснится... С шумом выдохнув, я открыл глаза и... в ужасе отпрянул! На меня по-прежнему жалобно смотрел отвратительный изможденный старик с воспаленными слезящимися глазами. Почему, почему именно со мной это произошло? И тут меня осенило: КАМЕНЬ! Ну, конечно же, это его проклятое космическое воздействие! Ведь я позавидовал как-то Михалычу, что он пенсионер! Вот и получил желаемое!

Надо срочно позвонить старику и предупредить его о проклятом камне, ведь он тоже постоянно бурчал что-то по поводу своего возраста!..

Сгоряча я открыл, было, дверь, но вовремя спохватился, что в таком непотребном виде мне никак нельзя показываться на глаза маме. Словно услышав мои мысли, она тут же подала голос:

- Миша, меня срочно вызвали на дежурство, буду вечером, еда на сковородке. Пока! Когда за ней захлопнулась дверь, я вышел и набрал номер Михалыча.
- Алло! Вас слушают! – бодро прозвучал из трубки чей-то молодой мужской голос.
- Пригласите, пожалуйста, Алексея Михайловича.
- У аппарата! – ответила трубка. – С кем имею честь?
- Михалыч, это – я, Миша! – мой голос сорвался. Похоже, я опоздал со своим предупреждением: камушек уже сыграл с ним свою злую шутку!
- Мишаня? – удивился бывший старик. – Что у тебя с голосом? Ты не заболел?
- Еще как заболел! А ты себя в зеркале видел?
- Пока нет, а что случилось? – в его голосе послышались тревожные нотки.
- Иди глянь, только трубку не клади... Слышишь, Мих... – я оборвал себя на полуслове, поскольку услышал его сдавленный крик, затем глухой стук и короткие гудки.

Встретились мы с ним в парке примерно через час – ровно столько потребовалось моему товарищу по несчастью прийти в себя. Он позвонил мне сам и позвал в это уединенное место. Если бы кто-нибудь увидел нас с Михалычем в этот момент, несказанно бы удивился – настолько не соответствовали возрасту наши прикиды! Ситуацию, в которую мы с ним попали, можно было бы назвать нелепой и даже смешной, но мне было не до смеха!

Мой бывший наставник совсем не выглядел огорченным.

– А что, Мишаня, – воскликнул он, когда мы немного оправились от первого изумления при виде друг друга, – не знаю, как тебе, но мне это определенно нравится! – он похлопал себя по широкой груди. – Ты себе не представляешь, насколько приятно вернуться в свою молодость!

– Давай-ка лучше подумаем, что нам делать, как снова стать прежними!

– А зачем? – игриво осведомился мой приятель и подмигнул мне. – О таком превращении можно только мечтать! Я снова полон сил, энергии и здоровья. Если это – результат воздействия моего камушка, я благословляю небеса, пославшие такой подарок! Ведь теперь я могу прожить еще одну жизнь! Меня все устраивает, Мишаня!

– Зато меня не устраивает! – Я смотрел на его чистое лицо с легким пушком на щеках, ясные мальчишеские глаза, густые каштановые волосы и испытывал двойственные чувства. Да, сытый голодного не разумеет!..

– Но ты же сам этого хотел! – удивился Михалыч. – Вспомни, кто твердил мне постоянно, что до смерти надоела школа? Кто мечтал о пенсии, чтобы делать, что вздумается? Вот, старичок, твои желания и сбылись! – он озабоченно глянул на часы: – Ладно, Мишаня, ты извини, пойду, куплю себе шмотки помоднее, да прошвырнусь по городу, может, закадрю чувиху помоложе!

Михалыч сделал мне ручкой и ушел, весело насвистывая, а я остался сидеть на скамейке. И хотя на улице было не слишком холодно, меня до костей пробрал мороз. А вместе с холодом пришел и животный страх. Как мне жить теперь и, самое главное, где и на что? Теперь у меня одна дорога – в бомжи! Какой же я был идиот!

– Дедушка, вам плохо? – участливо поинтересовался кто-то рядом со мной. – Вы меня слышите, дедушка?

Я поднял глаза и увидел миловидную девушку, которая обращалась именно ко мне!

– Нет-нет, спасибо! – пробормотал я, ежась от налетевшего порыва промозглого ветра, и встал со скамейки. Но идти мне было некуда...

– Да-а-а! – крикнул я вслед удаляющейся девушке, и мой голос прозвучал для меня предсмертным хрипом. – Мне очень плохо! Помогите мне-е-е! Пожалуйста-а-а!

В мои легкие ворвался холодный воздух, и я закашлялся, не в силах противостоять злой стихии. От слабости я покачнулся – теперь меня мог сбить с ног даже слабый ветерок... От этого мне стало так горько на душе, что слезы сами собой полились из глаз, и меня затрясло от беззвучных рыданий. Голова закружилась, дрожащие колени предательски подогнулись, и я повалился прямо в сугроб рядом со скамейкой. Больше всего мне сейчас хотелось умереть, и я закрыл глаза...

Ко мне подбежала та самая девушка:

– Вставай, Миша! – нежно проворковала она. – Хватит валяться!

«Откуда она меня знает?» – удивился я и открыл глаза.

На меня смотрела... мама и улыбалась:

– Тебе приснилось что-то страшное, сынок? Ты так кричал во сне! Скажи, что это у тебя? – она держала на ладони мой черный камешек, прилетевший из Космоса. – Неужели кусочек метеорита? Говорят, за него неплохие деньги дают! Нам бы они сейчас очень пригодились!..

Выходит, весь этот кошмар мне, все-таки, приснился?! Не веря своему счастью, я ощупал себя с ног до головы. Ура, я – снова прежний шестнадцатилетний парень! Все, хватит с меня глупых мечтаний и прочей детской чепухи!!! Каждый человек проживает только свою жизнь, и как она сложится, зависит от него самого! Я с содроганием вспомнил свою кошмарную физиономию в зеркале ванной комнаты, и мне в голову пришла мысль: лицо каждого человека в старости отражает всю его прожитую жизнь. И мне, пусть даже во сне, представилась уникальная возможность увидеть, так сказать, маску своей «заслуженной старости». И это было предостережением от небесного посланника, лежащего сейчас на маминой ладони!

Я улыбнулся ей в ответ:

– Ну что ты, мама! Откуда? Это – самая обыкновенная черная галька! Мне ее Михалыч подарил... на счастье! Он ее прошлым летом на берегу Кисегача нашел. Мы вчера с ним, кстати, там и рыбачили. А нам с тобой и без метеорита будет хорошо! Я это тебе обещаю!

...А человек играет на трубе!

Кто не помнит знаменитую фразу о судьбе, играющей человеком, вложенную в уста великого комбинатора? Но как часто мы задумываемся, а по тому ли пути идем, свою ли жизнь проживаем, не заставил ли нас роковой случай круто изменить себе?

Я рос болезненным ребенком. Моя мама буквально сбивалась с ног, таская меня по врачам. За три года в детском саду я пробыл от силы пару-тройку месяцев. И только за год до школы очередной педиатр посоветовал моей бедной маме отвести меня в кружок, где обучают игре на духовых инструментах. Это якобы поможет увеличить жизненную силу моих слабых легких и придаст им необходимый тонус.

Сказано – сделано! Я думаю, если бы эскулап посоветовал ей тогда отдать меня в кочегары или, скажем, стеклодувы, пообещав при этом мое полное выздоровление, моя отчаявшаяся мама отвела бы меня и туда, нисколько не задумываясь!

Так начались мои музыкальные мучения. В городском Доме пионеров на мою беду действительно существовала секция медных музыкальных инструментов, и моей родительнице стоило огромных трудов пристроить туда единственного дошкольника. Уж не знаю, что такого рассказала она директору этого заведения обо мне и моих мифических музыкальных способностях, но я до сих пор помню наше первое появление в секции и круглые от удивления глаза ее руководителя Семена Витальевича, а также мое несказанное восхищение всем увиденным.

Это уж потом я научился различать трубы и тубы, валторны и тромбоны не только по одному их виду, но и по звучанию. Но тогда все это великолепие просто ослепило меня начищенной медью, а какофония юных музыкантов слилась в моих ушах в чудесную незабываемую музыку!

Как самому мелкому, мне достался и самый маленький из медных духовых инструментов – малая труба с красивым названием «пикколо», (что в переводе с итальянского означает «маленький»), хотя для шестилетнего мальчугана этот инструмент был не таким уж и малым.

Но мне все было нипочем! Меня даже не волновало, что старшие пацаны откровенно смеялись над моими тщетными усилиями выдуть из этой красотищи что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее звучание инструмента, призванного выводить самый высокий звук в оркестре. Был не важен даже и окончательный вердикт Семена Витальевича, поставленный мне через год: «трубач из тебя никакой!» И хоть сказано это было с видимым сожалением, я совсем не расстроился. Поскольку вполне был согласен с ним в том, что для «приличного музыканта» превосходные легкие – совсем не главное, важно, кроме отменного слуха, иметь и кураж!»

Судя по всему, у меня не было ни того, ни другого, хотя о значении последнего слова я имел самое смутное представление! Но на тот период мечтал только об одном: чтобы меня не выгнали с треском, ведь даже моя мама, наконец, успокоилась – я действительно перестал болеть. Хотя теперь-то, конечно, понимаю: основной задачей таких детских учреждений было не отсеять, а занять детей, отвлечь их от улицы с ее «тлетворным влиянием», а заодно и развить таланты, если они были, конечно.

Восторг от пребывания в музыкальной студии продолжался вплоть до третьего класса, пока меня к моему удивлению, сменившемуся ужасом, не привлекли к показательному выступлению на городской площади перед толпой народа во время зимних каникул.

Чтобы металлические мундштуки не примерзали к губам, Семен Витальевич посоветовал нам принести с собой немного гусиного жира и периодически смазывать губы. Другой, более профессиональный способ – протирка мундштуков спиртом – нам явно не подходил!

Не хочу вспоминать, во что мне обошлись наши бесконечные репетиции перед ответственным выступлением, выматывающие меня до умопомрачения. Скажу только, что когда вечером я приходил домой и заваливался в изнеможении на кровать, мои губы, походившие

на диванные подушки, гудели от напряжения, подобно испорченному камертону, а в голове долго не прекращался сплошной гул.

В общем, мой музыкальный дебют с треском провалился! От страха я забыл всю партию и играл почти наугад. Правда, кроме Семена Витальевича и ближайших собратьев по музыке, никто ничего не заметил, но для меня этот факт стал концом моей музыкальной карьеры.

Единственное, что осталось в памяти от того моего публичного фиаско, это отвратительный вкус прогорклого гусяного сала во рту да слепящее зимнее солнце. И даже громкие восторженные крики и овации после концерта не смогли меня взбодрить.

С тех пор я возненавидел сразу три вещи: публичные выступления, музыку и гусей со всей их требухой! Но судьба-злодейка, словно в насмешку, все подбрасывала и подбрасывала мне свои подначки и сюрпризы.

В пионерлагере, куда я стал ездить с четвертого класса, меня сразу же назначили горнистом. Скорее всего, здесь не обошлось без моей мамочки, которая, видимо, неосторожно похвасталась «способностями» единственного сыночка. Впрочем, это позволило мне хоть как-то выделиться из толпы. К тому же, давало мне исключительную возможность не спать в обязательный «тихий час». А это уже было кое-что!

Я стал лагерным горнистом, и порой из озорства, вместо обычного сигнала «вставай, вставай, постели заправляй!» играл военную побудку или что-нибудь из своего обширного музыкального арсенала. А поскольку ездил в лагерь вплоть до восьмого класса, прозвище «Трубач», удачно сочетающееся с моей фамилией Трубников, прилипло ко мне накрепко. И, конечно же, я был вынужден отрабатывать это «звание» направо и налево на именной трубе, привезенной из города специально для меня старшей пионервожатой Леной.

Провалившись на экзаменах в политехнический, я загремел в армию, но и там практически сразу же попал под музыкальную раздачу. Чему и не сопротивлялся, поскольку понимал: только перейдя из учебки в музроту, смогу избежать пресловутой дедовщины, которая подтачивала самые искренние намерения служить. Таких музыкантов, как я, оказалось шестеро, троим из которых – самозванцам – было все равно, куда переводиться, лишь бы подальше отсюда!

Так начался третий этап моей музыкальной жизни, подброшенный мне судьбой. Но я не сдавался! Считал, что нужно еще немного потерпеть, и этот кошмар закончится. Полтора года маршировки с трубой в руках – в дождь и стужу, зной и сильный ветер закалили меня не только физически, но и укрепили духовно. Какое счастье, что в свое время я неплохо освоил не самый большой музыкальный инструмент, ведь шагать, например, с геликоном, было гораздо тяжелее! Я мечтал только об одном: чтобы изнурительный музыкальный марафон закончился, и я бы освободился от опостылевшей музыки и ненавистной службы...

Радость «дембеля», сопровождавшегося звучанием ротного духового оркестра, была сильно омрачена, благодаря только этому музыкальному факту. Поэтому на гражданке я, повинаясь какому-то внутреннему позыву, нарочно устроился работать в область, никак не связанную с музыкой. Завод – что может быть прозаичнее?

Но хитрая судьба исподтишка пнула меня еще раз, направляя в нужную ей сторону! Все дело было в том, что я влюбился в нашу нормировщицу Катю. Близко мы с ней познакомились на вылазке, организованной как-то в выходные дни нашим механическим цехом.

Дело было осенью, погода способствовала, и я решил, наконец, заговорить с девушкой, на которую уже давно «положил глаз». Как выяснилось, у нас с ней было много общего, но поразило меня больше всего то, что, рассказывая о своей семье, Катя упомянула отца – большого фаната классической духовой музыки.

– Ты, знаешь, Костя, сколько у нас в доме таких пластинок? – с жаром говорила она. – Эти трубы, гобои, валторны звучат у нас с утра до вечера!

– А разве твой папа не работает? – спросил я уныло, чувствуя, как у меня сжимается сердце. Уж больно не хотелось мне бросать понравившуюся девушку из-за музыкальных пристрастий ее отца.

– Почему не работает? – удивилась она. – Он служит в городской филармонии, преподает в музыкальной школе, а по выходным подрабатывает в Доме пионеров.

– Кем же? – пролепетал я, покрываясь холодным потом.

– Ведет секцию медных музыкальных инструментов. И, кстати, пользуется большим уважением и любовью ребят! – Катя явно гордилась своим отцом. – Мне и самой очень нравится такая музыка. Знаешь, я даже, будучи маленькой, просилась к нему, и, возможно, попала бы. Если бы пикколо тогда была свободной! Очень уж мне этот инструмент нравился. Но труба эта в то время была занята.

Представляешь, директор ему какого-то блатного пацана навязал, правда, тот мальчишка, по словам папы, был, действительно, прирожденным трубачом, хотя и равнодушным к музыке. Поэтому, видимо, он и ушел, недоучившись. Вот папа и пригласил меня сразу же на освободившееся место, но к тому времени у меня уже были другие интересы.

Пока Катя говорила, я, сопоставив ее распространенную фамилию с фамилией своего бывшего преподавателя, несколько уже не сомневался, что меня сам черт дернул влюбиться в дочку Семена Витальевича. Но даже не это совпадение меня изумило. Оказывается, я подавал серьезные надежды, а мне внушали, что трубач из меня никакой! Куража, видите ли, у меня нет! И почему?! Из-за какой-то паршивой пикколо, которая была у бедного Дома пионеров в одном экземпляре и которую нужно было освободить для любимой доченьки!

– Надо же! – промолвил я. – Выходит, твой отец по сути вытеснил того талантливого мальчугана, чтобы взять тебя?

– Почему вытеснил? – искренне обиделась Катя за родителя. – Я же тебе говорю: пацан сам ушел! Какой-то там концерт провалил что ли, испугался ответственности и удрал!

– Ничего я не испугался! – вдруг выдал неожиданно для себя и тут же прикусил язык. Но было уже поздно – Катя во все глаза уставилась на меня:

– Так это был ты??? То-то, я слышала, как тебя в цеху Трубачом называли, но думала, что это производное от твоей фамилии! – Она смотрела на меня, не скрывая одновременно изумления и восхищения. – Вот здорово! Обязательно расскажу отцу. Или нет, ты придешь к нам в гости! Папа будет очень доволен!

Кончилась эта история вполне закономерно. Вопреки моей запоздалой обиде на Семена Витальевича, которая чуть, было, не рассорила нас, мы с Катей начали встречаться. Наши чувства взяли свое и я, наконец, решил придти к ним в дом. Не скажу, что встреча с бывшим наставником меня сильно обрадовала, да и он, похоже, чувствовал себя не в своей тарелке, но Катя настояла на том, чтобы мы обменялись дружеским рукопожатием. А при расставании обнялись с бывшим педагогом уже искренне.

Позже я даже организовал на заводе вокально-инструментальный ансамбль, где играл на своей любимой трубе. Катя же настояла, чтобы я продолжил учебу в отцовском музыкальном училище, ведь учиться никогда не поздно, если твердо знаешь, для чего тебе это нужно.

С высоты прожитых лет понимаешь: то, что заложено в тебе, рано или поздно вырвется наружу. И сопротивляться этому бесполезно и даже вредно. Теперь я и сам уже учу детишек – преподаю в музыкальной школе по классу трубы. Сюда же ходит и мой младший сын, который также как и его отец, обожает этот инструмент.

А известную бендеровскую цитату: «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе!» я теперь вспоминаю только полностью. И пусть каждый вкладывает в нее свой смысл. Для меня же она всегда имела только смысл буквальный!

Меня зовут Квазиморда

Началась эта история еще в школе, когда наша литераторша «Ленуся» вдруг решила, что нам во что бы то ни стало нужно увидеть «Собор Парижской Богоматери», поставленный драмкружком городского Дома культуры. Как же, ведь главрежем там был ее сынок-неудачник, проваливший экзамен в театральный.

– Вы себе не представляйте, насколько сложное и в то же время поэтичное это произведение великого Гюго! – закатывала глазки Ленуся. – А его главный герой горбун Квазимодо – фигура далеко не однозначная и до конца не понятая. То, что вы увидите на сцене нашего Дома культуры, на мой взгляд, является новым прочтением...

– А чего там такого непонятного, Елена Михална? – лениво поинтересовалась Маша Губенко – отличница и всезнайка. Машка гордилась своей фамилией, и на постоянный вопрос, не является ли она родственницей известного режиссера, загадочно цедила: «Все может быть!...»

– Тебе, Губенко, вообще должно быть стыдно, имея такую фамилию, задавать глупые вопросы! – не стала развивать свою мысль дальше Ленуся. – В общем, до субботы тому, кто читал, советую освежить в памяти это произведение, а кто не читал, хотя бы просмотрите краткие анонсы. Всем понятно?

Уже в понедельник ко мне прилипла эта ненавистная кличка – Квазиморда, трансформировавшаяся из имени звонаря-уродца. И это было очень обидно, несмотря на то, что Квазимодо, наряду с отвращением, вызывал и чувство восхищения благородством своей души. А всезнайка Машка при всех снисходительно и издевательски похлопала меня по спине: «Не расстраивайся, Мишаня: частица «квази» означает «как бы», понимаешь? То есть ты не просто морда, а как бы морда! Значит, есть, куда стремиться!»

С тех самых пор меня иначе никто и не называл. Дело все в том, что у меня огромный и уродливый нос! Сравнение с Квазимодо было для меня довольно оскорбительным, ведь автор своего героя описал так: «...четырехгранный нос, подковообразный рот, крохотный левый глаз, почти закрытый щетинистой рыжей бровью, в то время как правый совершенно исчезал под громадной бородавкой... Громадная голова... огромный горб между лопаток, и другой, уравновешивающий его, – на груди...»

Тем не менее, именно после посещения спектакля меня стала греть мысль, что не все для меня потеряно в жизни, ведь не только внешняя красота определяет суть человека. Да и само это имя, ставшим уже нарицательным, всего-навсего обозначает первый воскресный день после католической пасхи, ведь по книге маленького уродца нашли именно в этот день. Но, по правде сказать, от этого самоуспокоения мне легче не становилось.

Еще в детстве, когда обнаружилось это уродство – непропорционально большой нос, к тому же, с горбинкой, поначалу не слишком заметной, но с годами вырисовывавшейся все четче, – моя мама начала ходить со мной по врачам. Но все эти ЛОРы только разводили руками, ведь никакой физиологической патологии они не находили.

Такому, с позволения сказать, украшению я был обязан, как выяснилось, своему далекому предку по отцовской линии – выходцу с горного Кавказа. И почему эта участь постигла только меня? Задумываться над этим вопросом я начал еще в начальных классах, но именно после получения обидного прозвища всерьез озаботился этой проблемой. По большому счету мне было наплевать, как меня обзывают недалекие люди, стремящиеся за мой счет самоутвердиться, все дело было только в одном человеке, мнение которого, мне было совсем не безразлично!

Оля! Вот кто будоражил мое воображение, вот чей образ не давал мне покоя уже три с лишним года! Но моя одноклассница, к которой я воспылал сильнейшими, как мне тогда

казалось чувствами, была также не достигаема для меня, как Луна или звезды на небе. Она либо попросту меня не замечала, либо чуть кривила в усмешке свои прекрасные губы, когда я неуклюже пытался отбить очередной наскок беспечных одноклассников на свое израненное самолюбие.

– Послушай, ма, – как-то вечером не выдержал я, сидя на кухне, – может, мне все же сделать ринопластику? Через год я окончу школу, но кошмар этот продолжится и после нее, в институте, например. Или хуже того – в армии, если не поступлю в ВУЗ!

– Может ты и прав, сын, – ответила мама задумчиво. – Если ты себя ощущаешь некомфортно, давай попробуем что-то изменить. Я тебя вполне понимаю. Мужчина тоже не должен чувствовать себя ущербным. А что касается денег, как-нибудь наскребем! А в институт ты уж, пожалуйста, поступи!

Так начался новый период в моей жизни.

Доктор Сметанин, один из ведущих хирургов-ринопластов, оказался маленьким лысым человечком со сморщенным низким лобиком и большими, словно локаторы, оттопыренными ушами. Этаким гном с добрыми печальными глазами.

«Вот уж точно ходячая антиреклама своему ремеслу!» – пронеслось в моей голове, как только я увидел его, придя на первый прием.

– Ну-с, молодой человек, – дружелюбно повернулся он ко мне, – ба, какой превосходный материал! – воскликнул он тотчас и радостно потер руки, словно скульптор, которому принесли кусок сырой глины.

– Вы находите, доктор? – уныло осведомился я. – Окружающим так не кажется.

– Дело не в окружающих, а в вас! Вы думаете, с моей внешностью мне было просто в вашем возрасте? Правда, я не был тогда совершенно лысым, но мои уши! Вы знаете, как меня дразнили в классе? Локатором! И это было не самым обидным прозвищем! Я жутко обижался. О, если бы тогда можно было сделать операцию по коррекции ушей, я бы, наверное, душу отдал дьяволу за это! Но, к моему счастью, таких операций у нас не делали, тем более, таким молодым, как я!

– Почему к счастью? – я смотрел на развеселившегося эскулапа с недоумением.

– Да потому что я бы никогда не стал тем, кем являюсь сейчас! У меня никогда не было бы такой жены и моих двух крошек. – Он достал с полки карточку в золоченой рамке и передал мне.

Я взглянул и не поверил собственным глазам: со снимка на меня смотрела совершенная красавица с двумя грудными детьми на руках. Даже явно казенный халатик и отсутствие макияжа не портили природной красоты этой потрясающей женщины. Я не мог скрыть своего восхищения.

– Какова, а?! Это – моя самая любимая фотография! Моим близняшкам уже по восемь лет и, кстати, у них премилые ушки – добавил доктор уже будничным тоном, давая понять, что экскурс в его личную жизнь завершен. – А добился я всего этого потому, что захотел доказать самому себе, что и с такими физическими данными можно быть счастливым человеком!

Я был озадачен. Чего он добивается? Чтобы я отказался от задуманного, но это же глупо! Он живет за счет таких уродцев, как я! Тогда зачем?

– Понимаю и ваши чувства, и ваше недоумение. – Сметанин посмотрел мне прямо в глаза. – Поверьте, мне с лихвой хватает и моих пациенток, которым эти операции действительно необходимы. Мужчины составляют ничтожно малый процент, и когда ко мне они приходят, я всякий раз невольно ставлю себя на их место. Короче, молодой человек, у меня есть правило: прежде чем я показываю другие носы, фото до и после моего вмешательства, я даю своим потенциальным клиентам три дня на размышление. Надумаете – приходите. Вот тогда я буду не говорить, а делать свою работу. Желаю вам не совершить ошибку!

Я вышел от него в полнейшем смятении. Еще двадцать минут назад я был решительно настроен исправить генную шутку игривой матушки-природы, а сейчас сомнения вновь овладели мной. Что же мне делать? И мне припомнился совсем недавний эпизод с участием Оли, который существенно накренил чашу весов в решении моей проблемы в сторону операции.

Дело происходило в школьном актовом зале, куда мы всем классом пришли, чтобы запечатлеть себя для вечности – сфотографироваться на выпускной альбом. Изначально нас щелкали по отдельности, затем на общую фотографию. Молодой фотограф попытался расставить нас таким образом, чтобы каждого парня обязательно окружали более многочисленные девчата. Я всеми силами стремился попасть рядом с любимой девушкой, но Оля проявила себя не с лучшей стороны: она демонстративно отказалась встать рядом со мной. Возможно, она почувствовала, что именно ее я выделил из всех наших девчонок, и тем самым продемонстрировала мне свое отношение к этому факту. Для меня это было самым тяжелым испытанием. И хотя я не подал виду, планка моего самоощущения опустилась ниже скамейки, на которой я в тот момент стоял.

Я задумался: не будь того эпизода с Олей, так жестоко меня осадившей, принял бы я столь серьезное решение? Я прислушался к своему «я», пытаюсь выудить из подсознания искомый ответ, но оно предательски молчало. Логика же подсказывала, что не будь этой Оли, была бы какая-нибудь другая девушка. Более того, если уж моя одноклассница, знающая меня целых десять лет и догадывающаяся, что она мне не безразлична, смогла так поступить со мной, что уж говорить о незнакомках, которые будут встречать, кстати, именно по одежке! А в моем случае меня по одежке и проводят! Все, решено, иду сдаваться на милость доктора Сметанина, и мне не нужны его три дня!

В светлой приемной было немного посетителей, а рядом с кабинетом ринопластики за небольшим столом сидела миловидная медсестра во всем белом и что-то писала, старательно высунув кончик языка. Мне это показалось настолько забавным и одновременно милым, что я невольно рассмеялся – прямо как первоклашка, все равно!

Девушка нахмурилась и подняла на меня строгие серые глаза в ободке из темных пушистых ресниц:

– Вы к нам? – на ее лице не дрогнул ни один мускул.

Мне, как человеку, привыкшему к однозначной реакции на свое лицо, показалось это весьма удивительным. Вот что значит профессиональная выучка! Хотя, будь у нее другая реакция, ее давным-давно бы уже выперли!

– Конечно, к вам, разве по мне не видно? – я уже не скрывал горечи.

– Нет, а что я должна видеть? – искренне удивилась она и взяла мое направление. – Ринопластика, вот вы про что! – хмыкнула она и стала заносить мои данные в журнал. – Вообще-то вы рановато, Михаил! Вы могли придти и послезавтра. Не пойму, к чему такая спешка? – она внимательно и серьезно на меня взглянула. – Нос, как нос! Весьма экстравагантный! Зачем вам это нужно? Вы в артисты решили податься? – она усмехнулась.

– Ага, в самую точку! На роль Квазимодо! Кстати, в школе меня почти так и прозвали: Квазиморда!

– Вот ведь идиоты! А мне всегда нравились мужчины, не такие, как все. Взять хотя бы нашего Сметанина. Знаете, какой это человек?! Эх, да что говорить! Сейчас все словно с цепи сорвались – хотят быть «дикаприями» и «денирами»!

– То есть вы хотите сказать, что вам нравится мой кошмарный нос?

– Вы меня не поняли: я хочу сказать, что каждый человек интересен уже тем, что родился уникальным, понимаете? С уникальными отпечатками пальцев, ростом, цветом глаз и волос, формой носа, наконец. Меня свою внешность, человек перестает быть таким, каким его задумала природа, теряет собственное я, перестает быть самим собой. Даже перемена имени уже

влияет на судьбу, а тут практически изменение внешности! А вы уверены, что, получив аккуратный носик, вы будете более счастливы, чем вам это было предначертано судьбой?

Я растерянно молчал, потому что никак не ожидал такого разговора в приемной хирурга.

– То-то же! – Девушка покраснела и стала даже красивой. – И вообще, будь моя воля, я бы вам сказала так: Михаил, не теряйте своей индивидуальности, оставайтесь таким как есть. Вы и так вполне можете понравиться любой женщине!

– А вам? – невольно вырвалось у меня. При этом сердце мое заколотилось и заметалось.

– Вы все-таки пришли раньше времени, молодой человек? – вдруг раздался веселый голос доктора Сметанина. – Не вынесла душа поэта? – насмешливо продекламировал он. – Ну, что ж, раз уж вы для себя все решили, Людочка проведет вас на обследование, и по результатам анализов я назначу вам день операции.

Когда за ним закрылась дверь, я посмотрел на Людочку вопросительно:

– Вы все же мне так и не ответили, Люда. Знайте, от вашего ответа зависит, пойду ли я сейчас сдавать эти чертовы анализы или нет!

– Решайте сами, Михаил. Вы – мужчина, и ваши поступки не должны зависеть от слов постороннего человека. Скажу только одно: изменив внешность, лично мне вы уже не будете интересны!

– Как бы я хотел, чтобы такая девушка, как вы, для меня никогда бы не была посторонним человеком! – выдал я и торжественно порвал направление. – А можно вам позвонить? – спросил я, забирая с ее стола визитку кабинета ринопластики.

– Теперь можно! – ответила Людочка и искренне улыбнулась.

Мой друг велосипед

Мои самые яркие впечатления детства связаны с моим железным другом. «Подумаешь, велосипед! – скажете вы. – Эка невидаль!»

И, конечно, будете правы, ведь в последнее время на велосипеде не ездит разве что ленивый. Но то сейчас, а в те далекие годы все было иначе...

Мальчишкой я страстно завидовал всем, кто умел ездить на велике. В шестидесятые годы совсем не каждый пацан в нашем дворе мог похвастать своим умением лихо промчаться по лужам, обрызгав с головы до ног проходящих мимо визжащих девчонок, или не спеша, с достоинством проехаться мимо старушек на скамейке, услышав за спиной одобрительные вздохи о том, что «мальчонка стал совсем большим!»

И когда, наконец, я получил в подарок от родителей великолепный трехколесный велосипед – предел моих мечтаний, я был на седьмом небе от счастья! В тот же день я вывел своего железного коня во двор и под завистливые взгляды менее счастливых сверстников сделал первый круг по нашему большому двору.

– Глядите-ка, у Саньки новый велик! – заорал мой лучший друг и одноклассник Мишка, обращаясь сразу ко всем во дворе, хотя мое появление отнюдь не осталось незамеченным. – Дашь покататься? – Мишка восхищенно провожал взглядом блестящее ярко-синее совершенство, на котором я гордо рассекал по двору.

– Потом, Мишка, потом! – орал я, опьяненный ветром, солнцем и беспредельным счастьем.

Я уже сделал несколько кругов под молчаливые и завистливые взгляды «безлошадных» пацанов, как вдруг один из них – Колька по прозвищу Зуб, задира и мой злейший враг, – произнес презрительно:

– На трех колесах каждый дурак сможет ездить! А ты попробуй на двухколесном прокатиться! Слабо, небось, удержать равновесие?!

Никогда не реагировавший на «слабо», звучавшее из уст недруга, я гордо проигнорировал его выпад, но его слова запали мне в душу. С той самой минуты моей целью было только одно – в совершенстве постичь велосипедное искусство!

Еще несколько дней мы с Мишкой, забросив после школы учебники, вдохновенно гоняли по двору, вытворяя чудеса велосипедной эквилибристики и пугая соседских девчонок залихватскими криками, но мысль о кардинальном изменении моей синей ласточки уже накрепко засела в голове и не давала покоя. Я знал, что переделкой велосипедов из трехколесного в двухколесный занимался только один человек в нашем дворе – дядя Яша, мастер на все руки и выпивоха. Работал он не бесплатно, а валютой служила пресловутая чекушка, которой с ним неизменно расплачивались все наши соседи, приносившие ему разную рухлядь в починку.

Когда я поделился этой мыслью с Мишкой, он призадумался:

– А где мы возьмем чекушку? – задал он сакраментальный вопрос. – Ведь твой батя не станет дяде Яше подносить водку!

Мишка был прав: мой отец, преподававший в школе рабочей молодежи, был парторгом и слыл активным борцом с пьянством, из-за которого порой его взрослые ученики – в основном рабочие местного завода – пропускали вечерние занятия в школе. Отец не был ханжой, как и все, он мог выпить по праздникам, но Яшу он недолюбливал, и ни при каких обстоятельствах не стал бы с ним связываться.

– Может, тогда поговоришь со своей матерью, а, Миш? – я с надеждой посмотрел на приятеля. Мишка рос без отца, его мать, работала на заводе посменно, и нередко он был предоставлен самому себе целый день.

– Ты что, меня мать убьет, если я даже заикнусь о спиртном! Надо достать денег, купить чекушку и отдать дяде Яше!

– Легко сказать: достать! Где? Родители мне не дадут больше: сейчас все на брата уходит – сам знаешь, пеленки, распашонки... Велик вон два года ждал, еле выпросил!

– Тогда что? Так и будешь на трех колесах ездить?

– Да есть у меня одна идея... Пойдем к дяде Яше в гараж!

Дядя Яша был одиноким пенсионером. Говорили, что когда-то он работал на нашем заводе слесарем, имел жену и даже ребенка, но жена ушла от него из-за его пагубного пристрастия. И теперь бывший слесарь жил, как хотел, а благодаря своему умению, был всегда навеселе и в хорошем расположении духа. Исключением были лишь часы жесточайшего похмелья, и тогда старик с остервенением брался за любую работу. Из его железного гаража всегда доносилось множество всевозможных звуков: стуки, скрежет, звон и лязг металла. Дверь в его гараж была почти всегда открыта, и любопытные мальчишки часами могли наблюдать за его работой, если, конечно, он в это время не храпел в своем продавленном кресле после очередной дозы соседской благодарности.

– Здравствуйте, дядя Яша! – поприветствовали мы старика, занятого пайкой большущей закопченной кастрюли.

– Здорово, коль не шутите! – усмехнулся он, попыхивая «беломориной», сизая струйка от которой, смешиваясь с дымком из-под паяльника, уходила в многочисленные щели его железной берлоги. – Зачем пожаловали? – осведомился старик. Нам повезло: дядя Яша был в хорошем настроении – об этом красноречиво свидетельствовала початая бутылочка горячительного на верстаке.

– Помочь вот хотим! – осторожно сказал я. – Может, сбегать куда надо? В магазин или еще куда-нибудь... Мы мигом, а, дядь Яш?

Старик отложил паяльник:

– Так, пацанва, выкладывайте, чего надо?

– Нам бы велик вот этот переделать... на двухколесный! – встрял Мишка.

– Плату знаете? – прищурил один глаз старик.

– Знаем! – мы, как по команде, опустили головы.

– Разговор окончен! – отрезал слесарь. Затем немного помолчав, добавил: – И пусть родители попросят. Мало ли чего вам в голову взбредет! А вдруг вы его стырили у кого, а я в соучастники попаду?! Нет, други мои, родители – и точка!

Это был тупик! Мы были убиты! Понутив головы, мы отошли в сторонку, сели на корточки и принялись держать «военный совет».

– Что будем делать, Санек? – уныло спросил Мишка.

– Не знаю! – хмуро ответил я, косясь на вредного старика, который, как ни в чем не бывало, продолжил возиться с кастрюлей.

– Вот гад! – в сердцах воскликнул Мишка! – Пьяница проклятый, а еще фронтовик, герой! Кровосос он, а не герой! – последние слова он почти выкрикнул.

Я шикнул на друга, но было уже поздно. Старик, видимо, нас услышал. Он отложил свою кастрюлю и, кряхтя и отдуваясь, медленно направился в нашу сторону, на ходу вытирая руки грязной ветошью.

– Атас, Миха, дёру! – заорал я.

Мишка вскочил и припустился бежать, а я, как назло, замешкался с великом и... остался на месте – хитрый старикан уже отсек мне все пути отступления.

«Сейчас уши оборвет!» – промелькнуло в мозгу. Еще бы, тема войны в те годы чрезвычайно остро воспринималась не только ветеранами. А Мишка, дурья башка, не подумав, ляпнул невесть что!

– Твой велосипед-то? – неожиданно миролюбиво спросил дядя Яша, подойдя вплотную

– Ага! Отец купил на день рождения... – я посмотрел старику в глаза. – Я правду говорю!

– Верю! А ты случаем не учителей сын будешь?

– Его! – ответил я настороженно. – А что?

– Знаю я твоего отца. Правильный мужик, строгий! Его в нашем районе уважают, хоть меня он и не приветит... – он вздохнул и присел на корточки рядом со мной.

– Вот вы тут давеча что-то такое обо мне говорили. Мол, кровосос я, пьяница, а не герой...

– Дядь Яш, да вы не так поняли!.. – начал я оправдываться, но старик остановил меня жестом.

– Тебя как зовут?

– Санька!

– Вот я и говорю, Саня, война, будь она проклята, покорежила не только города наши да жизни загубила, она души наши обожгла! Вот ты думаешь, почему я пью? От тоски я пью! Ведь мы как думали, когда в эшелоне домой после победы возвращались? Приедем – заживем лучше прежнего! А души наши, войной обожженные, уже зачерствели, загрубели наши души в окопах-то!.. Даже нашим близким, порой, не под силу отогреть их, и тогда, Саня, такие люди остаются одни и тоскуют, заглушая водкой боль в душе!.. Ладно, ты иди домой и знай, что дядя Яша свою душу не пропил еще... Да, а «лисапедик-то» свой оставь! Завтра за ним приходи... – он, словно пушинку, подхватил его своей огромной ручищей и направился в свой гараж.

Из-за угла осторожно высунулся Мишка и, увидев, что опасность миновала, подошел ко мне в удивлении:

– Неужто уболтал кровопийцу?

– Сам ты кровопийца и еще дурак! Понял?! И вообще, если я еще раз услышу про него какую-нибудь гадость, ты мне не друг! У него, между прочим, вся грудь в орденах – видал, небось, девятого мая?!

– Да я что, я – ничего! Люди говорят...

– Я тебе все сказал. Закрыли эту тему! Завтра зайдем к дяде Яше за моим двухколесным великом!

– Ура-а-а! – заорал Мишка, и мы с ним помчались во двор. Надо ли говорить, что совсем скоро мы с моим другом утерли нос всем во дворе, и Кольке Зубу в том числе...

Свою любовь к двухколесному коню я пронес через всю жизнь. Исколесил не одну сотню километров городских, проселочных и лесных дорог, открыл для себя новые места, обзавелся новыми друзьями. И, садясь на седло, нет-нет, да и вспомню свой первый велик, сработанный натруженными руками моего соседа-героя дяди Яши.

Шумел сурово Брянский лес...

Я не знаю никого, кто не любил бы наш лес с его неповторимым ароматом, вобравшим в себя всю прелесть природы средней полосы России. С его красками, особенно в осеннюю пору, с его дарами, которыми он заманивает в свои дебри, не дает остановиться, опомниться, оглянуться...

В один из сентябрьских выходных дней мы с моим приятелем Генкой сошли спозаранок на неприметной станции, что под Брянском, с корзинками в руках и отличным настроении.

«Ну, и красотища! – Генка, запрокинув голову, стал усиленно дышать всей грудью. – Гляди, Витюха, как здесь клево!»

Я вполне разделял чувства приятеля, ожидая от этой вылазки еще и дивиденды в виде больших крепких боровиков. Про эту станцию с ее лесными нехожеными тропами я знал давно от родного дяди, заядлого грибника и рыболова, выросшего в этих краях. Теперь, наконец, моя мечта осуществилась, и я был уверен в исходе этой маленькой грибной кампании. Еще бы, ведь у меня был компас, а также самодельная карта, когда-то составленная с помощью дяди Миши.

Увидев ее, приятель рассмеялся: «Да ты, брат, не на шутку подготовился! Теперь мы точно не пропадем!»

Если бы мы знали, что даже шуточные слова иногда приобретают способность материализоваться, попридержали языки, а то и вовсе отказались бы от затеи!

Мы довольно долго продирались сквозь густое разнолесье, не отвлекаясь на другие грибы. Ведь наша цель была огромная поляна с королевскими белыми грибами, отмеченная на моей карте тремя восклицательными знаками. По моим расчетам до цели оставалось идти не более часа, когда Генка, плетущийся в арьергарде, подал голос:

– Может, сделаем привал и перекусим?

– Ничего, уже скоро! Впрочем, ты прав: отдохнуть перед последним броском не мешает!

Мы разложили свои нехитрые припасы под большой березой и принялись за еду.

А вокруг сплошной стеной стоял непроходимый брянский лес. Ветерок лениво шелестел листвой где-то в вышине, на все голоса разрывались птицы, радующиеся последним теплым денечкам бабьего лета, и вдруг неподалеку раздался отчетливый треск сухого валежника.

– Волки! – расплылся в улыбке зубоскал Генка, работая челюстями.

Я оглянулся на звук и едва сдержал крик от изумления: в нескольких десятках метрах от нас брел... настоящий фриц в каске и длиннополой серой шинели со шмайсером на плече, висевшим дулом вниз, как из фильмов про войну. Я не верил собственным глазам. Генка, взглянув на меня, перевел взгляд на фрица и в ужасе вскочил, ломая под собой сухие ветки.

– Тише, ты – шикнул я на него, но было уже поздно: фашист вздрогнул всем телом и мгновенно направил на нас автомат.

– Хенде хох! – заорал он хриплым голосом.

Не помня себя, мы бросились наутек.

Та-та-та – оглушительно затрещала автоматная очередь, и над моей головой засвистели пули, а сверху дождем посыпались отстрелянные ветки.

– Хальт! – продолжал орать немец. – Русиш партизанен, сдавайтесь!

Я бежал, как сумасшедший, не обращая внимания на лапник, хлеставший меня по щекам, а в голове билась одна мысль: бред, бред, бред!

Наконец, крики и выстрелы затихли, и я без сил упал на землю. Что это было? Наваждение? Призрак Второй мировой? Но призраки не стреляют из автоматов! Хорошо еще, что он не попал в нас с Генкой.

Кстати, а что с моим приятелем? Жив ли? Надо вернуться, найти его и прочь из этого проклятого леса, населенного ненормальными фрицами, материализовавшимися из прошлого!

Жаль, что с Генкой невозможно связаться по телефону – мы были вне зоны связи. Я поднялся и потихоньку двинулся к месту привала. Хорошо, что карта и компас остались при мне.

Вот и стоянка, но кроме брошенных впопыхах корзин и пустых пластиковых бутылок из-под воды, ничего и никого не было! А ведь я точно знал, что мы не использовали весь продовольственный запас. Неужели его унес тот сумасшедший немец, не наигравшийся в войну!

Кто он? Потомок тех гитлеровцев, что ловили партизан в этом лесу много лет назад? Но разве такое может быть? Или их здесь целое поселение, и они все еще уверены, что война продолжается? Бред!

Я брел почти наугад в том направлении, куда побежал мой приятель, но кричать опасался, чтобы не привлекать внимания фашистского недобитка. В лесу заметно стемнело, и я впал в полное отчаяние! К тому же, мучила сильная жажда и усталость. Привалившись спиной к сосне, я закрыл глаза, понимая, что искать в одиночку человека в этих дебрях – все равно, что иголку в стоге сена. Надо выбираться из леса и вернуться уже с военными, чтобы заодно накрыть и фашистское логово, если оно существует!

«Прости, друг, что бросаю тебя одного. Поверь, другого выхода нет!» – послал я мысленное извинение приятелю, продираясь через бурелом.

Встречи с фашистом я уже не боялся, темнота играла мне на руку, хоть и сильно затрудняла продвижение. И я шел, пока не понял, что пора устраиваться на ночлег, чтобы с утра продолжить путь к людям.

Я выбрал небольшую ровную площадку, окруженную со всех сторон кустами, выстелил сухим валежником ложе, и, завернувшись с головой в штормовку, закрыл глаза. Удивительно, но мучавшая меня весь день жажда немного отступила, зато я почувствовал, как гудят мои ноги, болят спина и шея.

«Ничего, – думал я, проваливаясь в сон, – утром попробую собрать немного росы».

Проснулся я от сильного толчка в бок. Я открыл глаза и ужаснулся: надо мной стоял давешний фриц и тыкал в меня дулом своего автомата, ухмыляясь.

– Вставай, партизан, кончилось твое путешествие! – произнес он по-русски без всякого акцента. Судя по всему, он был русским.

На нем так же, как и вчера, была немецкая полевая каска времен прошлой войны, надвинутая на лоб. Щеки были гладко выбриты, серые глаза с красными прожилками лихорадочно блестели, а пухлые губы кривились в усмешке. И пахло от него одеколоном!

Я кое-как поднялся и спросил:

– А ты кто?

– Не видишь, что ли? Я – солдат доблестной немецкой армии! – он смотрел на меня вполне серьезно. – И за вас, голубчиков, меня точно наградят! Давай сюда клешни! – он накрепко спереди связал мне руки просмоленной веревкой. – Двигай! – снова ткнул он меня дулом. – И не вздумай бежать – пристрелю, как собаку!

– И не собирался! Куда идти-то? – спросил я, подмечая про себя его фразу «за вас, голубчиков», означающую, что и Генка, возможно, жив и находится в плену у фашиста.

– Прямо иди, я скажу, где повернуть.

– Дай хоть попить, сдохну же от жажды, придется на себе нести!

– На, хлебни, все одно недолго осталось. А пока ты мне живой нужен! – с этими словами он вынул фляжку со свастикой и приложил к моим губам.

– Слышь, служивый, а дружка моего ты тоже арестовал? – после нескольких глотков воды мне стало намного легче. Голова прояснилась, и появилась способность адекватно мыслить.

– Конечно, – хмыкнул фашист, – от меня еще никто не убежал! Я этот лес, как свои пять пальцев знаю! – не без гордости сообщил он. – Хорош болтать! Побереги силы для допроса.

Мы прошли еще немного, и мой конвой приказал остановиться у подножия огромной сухой сосны с вырезанной на расстоянии двух метров от земли еле заметной свастики на коре. Похоже, что вырезали ее достаточно давно.

– Сидеть здесь! – приказал фашист.

Я покорно уселся рядом с сосной, а он вдруг нагнулся над небольшим пригорком. Раздался скрежет металла, и на моих глазах отъехал квадратный пласт земли размером примерно метр на метр, открывая круто уходящий вниз лаз, освещенный снизу тусклым светом.

– Ничего себе! – не удержался я.

– Вставай и спускайся вниз!

– А руки?!

Он вынул из-за голенища начищенного сапога финку и небрежно полоснул по веревке. – Не вздумай дурака валять!

Что оставалось делать? Там, хотя бы, встречу с Генкой! И я стал спускаться по металлическим скобам, вбитым в одну из стен. Изнутри лаз был выложен кирпичом, как в колодцах. Глубина его была примерно метров пятнадцать! Все было сделано по-немецки аккуратно и надежно. Внизу была небольшая площадка, от которой уходил в сторону проход, закрытый металлической дверью. Когда я ступил на бетонный(!) пол, фашист приказал отойти от лестницы к противоположной стене, а сам стал осторожно спускаться вслед за мной.

Я уже не сомневался, что нахожусь в немецком бункере времен Великой отечественной, о чем красноречиво говорили настенные полустертые надписи на немецком языке. О существовании множества немецких подземных сооружений, которые случайно находили в этих местах, я неоднократно слышал от дяди Миши. Два года оккупации для Брянщины даром не прошли.

Тем временем фашист спокойно спускался вниз, переместив шмайсер на плечо. И в этот момент мне в голову пришла одна мысль. Второго шанса может не быть! Была – не была!

Я сделал пару неслышных шагов в сторону лестницы, наблюдая за русским фашистом. Вот сапоги врага поравнялись с моим лицом, и в тот момент, когда он одной рукой отпустил скобу, я изо всех сил резко дернул его за обе ноги вниз.

– А-а-а! – заорал он от неожиданности, инстинктивно пытаясь схватиться за скользкие металлические ступеньки, но это ему сделать не удалось, и он мешком свалился на пол. Его каска, гулко стукнувшись о бетонный пол, соскочила с головы, открывая абсолютно лысый череп.

Что было сил, я пнул его носком своего армейского ботинка, целясь в висок. Он коротко охнул и отключился. Я стоял, тяжело дышал и тупо смотрел, как на полу под его лысой башкой растекается лужа крови. Я нагнулся к нему и пощупал пульс. Жив, слава Богу! Быть убийцей даже такого отморозка совсем не хотелось. Я связал ему руки за спиной его же веревкой, временно приматывая их к связанным ногам, согнутых в коленях – видел в каком-то фильме. Затем собрал все его оружие и развесил на себе.

Открыв дверь, за которой угадывался длинный коридор, я крикнул в неосвещенное пространство:

– Генка, отзовись!

И тотчас же оттуда раздался слабый голос моего приятеля:

– Я здесь, скорее сюда!

Я нашел выключатель, и коридор озарился неярким светом. Шел на Генкин голос и попутно осматривал помещения, попадавшие мне на пути. Чего здесь только не было! Помимо различного оружия и боеприпасов, здесь имелось все, что требовалось для длительного и комфортного существования. Неудивительно, что выживший из ума лысый мужик, возмнивший себя «доблестным немецким солдатом», жил здесь припеваючи.

Предусмотрительные солдаты вермахта позаботились даже о предметах гигиены: многочисленные коробки были заполнены тубиками, флаконами и бутылочками, явно не армейского

характера. Повсюду в беспорядке валялось обмундирование! Видно новоявленный последователь Гитлера похозайничал здесь по-свойски, почувствовав себя таким хранителем богатств.

Генка находился в самом последнем помещении, где размещались бочки с солярой и мощный генератор, к которому проводами были присоединены огромные аккумуляторные батареи, питающие весь бункер. Генка лежал на боку со связанными руками и ногами.

– Витька, наконец-то! – радостно выдохнул мой приятель. – А я уж думал, кранты мне! Представляешь, этот псих на полном серьезе грозился выведать у меня какую-то военную тайну с помощью пыток! За это якобы он получит железный крест от командования! И все время болтал о втором языке. Я сразу смекнул, что он тебя имел в виду. Но как ты меня нашел? Ты его выследил?

– Скорее, он меня! Мне просто повезло. Там он лежит, связанный. Потом расскажу, а сейчас, хорошо бы немного подкрепиться! – я развязал приятеля, и мы пошли искать провизию.

Все в бункере было продумано до мелочей. В одном из помещений, где находилась кухня, была установлена настоящая плита, а рядом – мойка с краном! Я подошел и открыл кран. Тотчас же включился невидимый насос, и из крана побежала чистейшая вода! Мы с удовольствием напились и умылись. Здесь же находились и многочисленные запасы различных консервов, обмазанных густой смазкой, и выпивки, и по сей день, по-видимому, не потерявших своих качеств, судя по валявшимся повсюду вскрытым пустым банкам и бутылкам.

– Это же просто Клондайк! – не переставал охать Генка. – Одного оружия сколько! А тушенки? А шнапса?! Они что, собирались здесь жить вечно? А ты обратил внимание, какое количество тротила? Его хватило бы, чтобы уничтожить весь этот лес вместе с его обитателями!..

Но нам нужно было выбирать и еще сдать, куда следует, горе-фашиста, который уже пришел в себя и хрипло выкрикивал все известные ему немецкие слова и фразы, включая «нихт шиссен!», хотя расстреливать никто его и не собирался!

Не буду рассказывать, с какими сложностями нам далась дорога до станции, ведь теперь мы с Генкой шли не одни. Там мы сразу же связались со «Скорой помощью» и дождались, пока беднягу не забрали дюжие санитары из местной психушки. Оказалось, что его знают, как облупленного. Он два года тому назад сбежал из стационара, и все думали, что сгинул. Они только посмеивались над его выкриками и поведали нам, что теперь в их ведомстве, наряду с Наполеоном и Сталиным, появится и «доблестный солдат вермахта»!

Мы, как честные и порядочные граждане, рассказали в местном отделении полиции, что с нами приключилось, показали карту с нанесенным на ней примерным расположением немецкого бункера, но к нашему рассказу блюстители порядка отнеслись весьма скептически:

– С вами свяжутся, если будет необходимость! – поморщился дежурный.

Впрочем, у нас сложилось впечатление, что нам либо не поверили, либо не захотели лишней мороки. А напоследок нас вежливо попросили «заткнуться о находке и навсегда забыть дорогу в этот лес, если не хотим неприятностей!»

Вот уж дудки! Мы еще обязательно приедем сюда, чтобы набрать, наконец, по корзине огромных крепких боровиков.

Секрет счастья

Наткнулся я как-то в одной умной книжке на фразу: «Секрет счастья заключается в том, чтобы никогда не сравнивать с другими свое здоровье, жену и зарплату!»

Отложил ту книжку, задумался: как верно подмечено! Ведь если эти сравнения не в твою пользу, то далеко не каждый способен устоять перед чувством зависти, которое мешает быть счастливым. И хотя этот весьма распространенный человеческий порок проявляется у людей по-разному, в самых запущенных формах он способен довести до крайности.

И мне вспомнился один случай, произошедший со мной в юности, когда после окончания второго курса я устроился работать проводником вагонов пассажирских поездов в составе студенческой бригады.

Мы с моим напарником Олегом обслуживали общий, самый последний вагон поезда, следовавшего до Читы. Надо сказать, что маршрут этот пользовался у бывалых проводников неизменной популярностью, и происходило это, в первую очередь, из-за красоты природы – мы ведь почти вплотную огибали изрядную часть Байкала. Во-вторых – из-за чистейшей и вкуснейшей родниковой воды, бившей из ключа на известной станции Слюдянка. Третья причина была хоть и прозаической, но немаловажной в пору тотального дефицита: в Чите можно было по дешевке прикупить для своих родных и близких отечественные золотые украшения.

Все так, но это была моя самая первая поездка и запомнилась она еще и приобретением необыкновенного опыта соприкосновения с незнакомой мне изнаночной стороной нашей советской жизни.

Нам с Олегом с самого начала показалось весьма странным, что изначально в наш вагон практически никто не садился, и мы радовались этому факту, как дети, думая, что произошел какой-то сбой в системе распределения билетов. И только спустя несколько суток мы поняли истинную причину порожнего следования – на богом забытом полустанке в наш вагон вдруг ввалилась орава людей странного вида. Так я познакомился с «партизанами».

Это были совершенно одичавшие, давно не стриженные и не бритые мужики неопределенного возраста в количестве примерно сорока человек, зачем-то призванные на полугодичную военную переподготовку. Они проходили службу где-то за Байкалом и теперь возвращались домой – грязные, исхудавшие, одетые в какую-то замызганную форму странного, совсем не современного покроя. Именно, из-за этой одежды, как потом они сами мне объяснили, их якобы так и прозвали.

Мне еще никогда не приходилось сталкиваться с подобным контингентом, и поначалу было даже интересно наблюдать за ними и слушать их бесконечные «а помнишь?» Байки из «партизанской жизни» обсуждались очень живо и не всегда кончались миром. Частенько случались и потасовки, но, разгоревшись, они быстро потухали, стоило вмешаться командиру отряда, которого все уважительно называли Старшина – то ли по званию, то ли по прозвищу.

В нашей сугубо мужской компании никому из партизан и в голову не приходило следить за своим лексиконом, и громогласный русский мат во всем его неповторимом многообразии вперемешку со звоном перекатывающихся пустых бутылок звучал по всему нашему вагону...

Ехать им предстояло двое с половиной суток, и нам с Олегом волей-неволей приходилось тесно общаться с ними. В наши обязанности, помимо уборки, входило поддержание дисциплины среди пассажиров. Хорошо еще, что в общих вагонах не нужно было разносить чай и раздавать постельные принадлежности. Правда в нашем случае это было бы лишним в принципе: партизанам походные условия были далеко не новинку, а что касается чая, то его вполне заменяли другие напитки, самым безобидным из которых был знаменитый чифирь. Уж не знаю, откуда у лесных вояк водились деньги, только затарены они были дешевым спиртным и нехитрой снедью под завязку.

И здесь возникала основная сложность, потому что пьяные ссоры в «партизанском отряде» возникали все чаще, и загасить возникающие очаги кипевших не на шутку страстей было все труднее, даже Старшине. Чего уж тут говорить про нас – юнцов?! К тому же, это было вовсе небезопасно!

Кроме Старшины – огромного бородатого мужика с сизым мясистым пористым носом на рябой физиономии, из безликой непросыхающей массы выделялся также и худой жилистый мужичок с удлинённым лысым гладким, как яйцо, черепом. Все его так и называли: Колька-Яйцо. У Кольки было злое, дочерна загорелое лицо с узкими щелочками вместо глаз и тонкими нервными, вечно кривящимися в усмешке, губами.

Это были две яркие противоположности. Если Старшина любил поговорить, то Яйцо был молчаливым, но чрезвычайно вспыльчивым человеком. Он впадал в бешенство по любому поводу, и тогда его обидчику приходилось туго – Колька мгновенно превращался в этакую машину для убийства, действуя руками, ногами и особенно головой, тараня ею любого на своем пути. Они были земляками – жили в одном поселке где-то под Читой, и оба пользовались непререкаемым авторитетом у остальной братии. Но Старшину любили и уважали, а Яйцо просто боялись.

Старшина очень любил травить разные байки и анекдоты, которые знал в огромном количестве. Делал он это виртуозно, собирая вокруг себя весь вагон. Но больше всего ему нравилось рассказывать о собственной жене. Он мог часами описывать достоинства своей Надьки, ее одежду, прически, характер, а также ее поведение и действия во время их общения и даже близости, не упуская и самые интимные моменты. Казалось, ему доставляло особое удовольствие видеть, как разгораются глаза у изголодавшихся по женщинам слушателей. В такие моменты он не скупился на выражения. Язык у Старшины был подвешен хорошо, и он ухитрялся разукрасить эпитетами даже отборный мат. Мужики, собиравшиеся вокруг его полки, расположенной в самом хвосте вагона, восхищенно гоготали, смоля сигарками и наливаясь «бормотухой», и потому, как пустела большая часть нашего вагона, можно было догадаться, о чем опять вещает их бывший командир.

И только один человек никогда не принимал участие в этих «вечерах эротического рассказа». Яйцо устраивался на своей полке с потрепанной толстой книжкой, показывая всем своим видом, что эти посиделки его не интересуют.

Я как-то поинтересовался причиной такого равнодушия, и он нехотя ответил, что «Надьку – жену Старшины – он и так знает!»

Но потому, как именно это было произнесено, стало понятно, что знает он ее даже слишком хорошо. Видимо, ему было необходимо выговориться, и такой случайный человек, как я, очень подходил для этой цели.

– Ты, Володя, не гляди, что с виду я – чистый бабай! – Яйцо, кряхтя, слез с полки и сел напротив меня ближе к окну. – За мной по молодости, знаешь, как бабы сохли! Очень злой я был до их полу. Лютовал по всему поселку! Меня все боялись! Боялись и уважали! – Колька усмехнулся: – теперь тоже бояться, правда, бабы вот любить перестали...

Надька-то ведь эта прежде моей супругницей была! Да-да, не удивляйся! Прожили мы с ней почитай годков десять душа в душу! Малой был у нас – Васятка, да в речке утоп, бедолага, годков семь ему было тогда. Вот Надька-то и заскучала. А как Петьку – Старшину, то есть, черти в наш поселок принесли, совсем с ума съехала! Оно понятно: бугай – не то, что я. Вот и присохла! А я ведь любил ее, стерву. Да, паря, Колька-Яйцо тоже мог бабу приглубить!

Ну, вот, стала она к Петьке бегать втихую, да нешто у нас скроешь?! Добрые люди все рассказали, ну и побил я ее смертным боем – так ведь за дело! А когда она оклемалась, пришла ко мне и говорит: отпусти к Петру по добру, все одно уйду – не люб ты мне больше!

– И что, отпустили? – мне стало по-человечески его жалко.

Яйцо вздохнул:

– А куда ж деваться?! – он зло сощурил и без того узкие глаза. – Отпустил заразу! Правда, отметелил на дорожку, не без этого. Чтобы к Петьке своему не такой красивой шла. А опосля развели нас в сельсовете. С тех пор зол я на нее и... на Петьку. Веришь, нет, Володя, как появился этот рябой амбал в нашем поселке, совсем мне житья не стало. Во всём он теперь первый! Ну, и бабы-дуры, как одна, заглядываться стали. – Яйцо скрипнул зубами, и его темное лицо скривилось, как от боли. – Знамо: мужик он видный, балагур, опять же на гармонии горазд, но и я – не пальцем деланный!..

А тут, как назло, оба попали по повестке в партизаны. Совсем худо мне стало – как же, командиром его назначили! Но ко мне, правду сказать, не лез. Может, дрейфил, а, может, понимал, как мужик мужика – из-за Надьки. Да только я уверен: он, кобель драный, никогда ее не любил! Он вообще на это не способный...

Вот скажи, мил человек: чего этой дуре не хватало?! – он в первый раз посмотрел мне прямо в глаза, и я поразился его взгляду, в котором были боль и ненависть одновременно. – Ничего, еще не вечер, и на моей улице праздник будет! – Яйцо, стиснув зубы, отвернулся к окну, за которым простирал свои воды бескрайний Байкал.

Не найдя, что ответить, я только пожал плечами. Мне стало не по себе, и я поспешил уйти, сославшись на дела.

– Только ты, друг ситный, языком-то не мели о том, что слышал! Слышь, проводник? – крикнул мне вдогонку Колька и добавил, понизив голос: – А то я не посмотрю, что ты начальник!

«Вот еще, была нужда! Мне-то какое до всего этого дело?!» – пронеслось в моей голове. Через минуту об этом разговоре я и думать забыл.

А на следующий день с утра нас всех потрясла новость: ночью пропал Старшина! Об этом мне сказали встревоженные партизаны, заявившиеся к нам в служебку с самого утра. Никто из них не заметил ничего подозрительного. Перед сном все, как обычно, приняли изрядную дозу снотворного, как они называли дешевый портвейн, и очнулись только утром.

– Скорее всего, сошел через задний тамбур – мы ведь ночью останавливались ненадолго, – предположил Олег, когда выяснилось, что в вагоне не оказалось и вещмешка Старшины. – Через меня точно не проходил. Я же ночью дежурил! Пойду, проверю там запоры.

Когда он вышел, мне почему-то сразу вспомнились вчерашние Колькины слова насчет «праздника на его улице». В душу закрались нехорошие подозрения: уж не приложил ли он руку к пропаже своего заклятого друга и земляка?

В это время появился испуганный напарник, сообщивший, что тамбурная дверь вскрыта, а на полу и стенах видны бурые подтеки и капли, очень похожие на кровь!

– Что будем делать, Вовка? – разволновался Олег. – Если выяснится, что это убийство, затаскают!

– Надо сообщить начальнику поезда, пусть он решает, что делать! – сказал я, следуя инструкции для проводников.

Семен Семенович Задорожный – наш начальник поезда – был фигурой весьма колоритной! Девчонки-проводницы, ехавшие с ним в так называемом штабном вагоне, рассказывали, что Задорожный был самым настоящим цыганом, и этот примечательный факт еще больше подогревал к нему интерес. Сенька, как все между собой называли Задорожного, был не дурак выпить, не скупился на премии и закрывал глаза на различные мелкие и не очень нарушения со стороны студентов-проводников. Касалось это, в первую очередь, провоза зайцев – существенной статьи дохода бедных студентов, а также небольшой фарцы, которой грешили некоторые слишком ушлые проводницы.

Рассказывали про него и другие факты: когда в поезд садились ревизоры, он всегда посылал штабных девчонок предупредить об этом всех проводников. Самих же незваных гостей Сенька обычно без труда задерживал в своем благоустроенном купе, обвешанном медвежьими

шкурами. Да и кто бы отказался от безумно дорогого коньяка, икры двух сортов и балыка, всегда хранящихся для таких случаев в его холодильнике?!

Мы с Олегом втайне надеялись на Сеньку, что он придумает что-нибудь, в противном случае наша первая поездка грозила стать последней. Ведь по инструкции мы были ответственны за своих пассажиров. В любом случае, длительные разбирательства нам были совершенно ни к чему. Мы просто хотели спокойно ездить по стране, зарабатывать довольно нехилые бабки и поскорее забыть об этом страшном происшествии.

Выслушав нас внимательно, Задорожный решительно направился к «месту преступления», чтобы убедиться во всем самому. Каково же было наше удивление, когда в тамбуре все уже было идеально чисто! Не иначе постарались партизаны под руководством нового начальника.

– Вот и ладненько! – удовлетворенно произнес Сенька. – За нас уже все решили!

– Семен Семеныч, я просто уверен, что его убили и выбросили на ходу! Когда его найдут, нас вычислят!

– Вот когда найдут, тогда и будете страдать! – Сенька был спокоен, как удав. – И потом, как они докажут, что его убили именно здесь, в поезде? Следов-то – тю-тю!

– Так вы что, не будете никуда сообщать? – Олег уже понял, куда гнет наш начальник.

– О чем? – невинно поинтересовался Задорожный. – О том, что некий пассажир вышел ночью на маленькой станции, не захотев ехать до места назначения? Так это его личное желание! Мы-то здесь причем? Или вы другого мнения? – он смотрел на нас, уже не скрывая иронии.

– Нет, – поспешно ответил я за двоих, – наверное, вы правы, Семен Семеныч. А уж наши партизаны сор из этой избы точно не вынесут – вон, как хорошо здесь прибрались!

– Вот именно! Продолжайте нести службу, соколики. Желаю всех благ! – Сенька, сделав нам ручкой, удалился, а мы остались в тамбуре, глядя друг на друга.

– Вот и отлично, Вован! – подмигнул мне Олег. – Теперь я спокоен. Одним партизаном больше, одним меньше – какая разница? Всё, я пошел досыпать.

Следуя к себе, я подошел к Яйцу, невозмутимо читавшему свою книжку:

– Послушай, Николай, а ты что думаешь насчет пропажи Старшины?

Яйцо отложил книгу в сторону:

– Ничего! – он деланно зевнул: – В одной коdle с ним не пил, на ножах не был – все могут это подтвердить! Усек, Пинкертон? – затем, воровато оглянувшись, добавил приглушенным шепотом: – Помнишь, говорил тебе, что и на моей улице будет праздник? Так вот, сам господь услышал мои слова! Сошел Петруха наш и с поезда, и с пути моего. Теперь я – Старшина! – и он, довольно ухмыльнувшись, снова взялся за книжку.

Я только развел руками. Вот уж истина: не пойман – не вор!

И только придя в свое купе, под аккомпанемент громкого храпа моего напарника за стеной подумал: зависть, как бы ее не называли – белая или черная, – абсолютно разрушительное чувство! И завистник рано или поздно обязательно почувствует его разрушительную силу на своей шкуре.

Я не знаю, чем закончилась та история с пропавшим Старшиной – нас с Олегом о нем так никто и не расспрашивал, но с тех пор я вынес для себя один урок: хочешь быть счастливым, никогда и никому не завидуй!

Шерше ля фам

Маршрутка издевательски просигналила и тронулась с места.

«Вот черт! Теперь неизвестно, сколько придется ждать следующую!» – ругнулся я в сердцах, не добежав до остановки буквально метров тридцать. К тому же начался противный мелкий дождик. Одно к одному!

Автобусная остановка, примыкающая к ограде городского Ботанического сада, была пуста. Я вздохнул и присел на лавочку. Ну, что ж, подожду. Резко пахло дымом. За оградой сада какой-то гастарбайтер в синем комбинезоне устроил костер в непосредственной близости от остановки. Вот обалдуй! Мало того, что в таких местах, насколько я знаю, жечь костры запрещено, так он еще решил выкурить всех, кто находится рядом!

Сердиться на бестолкового работника было бесполезно: дождик постепенно заливал большой костер из опавших листьев, сучьев, каких-то сухих кустов со сморщенными черными ягодами, и густые клубы дыма разносились по округе резкими порывами осеннего ветра. Сильный сладковатый запах гари щекотал ноздри, и мои мысли плавно переключились на более приятную тему, связанную с воспоминанием о недавнем шашлычном застолье. Именно на даче за шашлыком в кругу своей семьи я принял, наконец, непростое для себя решение оставить работу, которой посвятил половину жизни.

Мой родной НИИ изжил себя, погряз в интригах и погоне за легкими деньгами – большая часть здания института уже была отдана арендаторам, превратившись в рассадник различных организаций. И теперь мне, кандидату наук, имевшему на своем счету несколько изобретений, приходится перестраиваться, приспосабливаться к новым условиям. Ничего не поделаешь – у меня в семье трое девочек! Я невольно улыбнулся, вспомнив, как четырнадцатилетняя Настя – моя старшая дочь – успокаивала меня, словно маленького:

– Ничего, папа, все будет хорошо. Найдешь другую работу. Только верь в себя!

А трехлетняя Катюшка, сидя на коленях улыбающейся жены, кивала кудрявой головкой:

– Будет все холосо, папа!

Я посмотрел на часы и прикинул: если маршрутка придет хотя бы в течение двадцати минут, тогда успею на свое первое собеседование.

– Ты чего это удумал, придурок? – вдруг раздался грозный женский голос. – Кто разрешил жечь костры? Ты в уме, ирод чумазий?!

Я оглянулся: грузная начальница, укутанная платком, с большим зонтом в руках отчитывала незадачливого кострового.

Но его объяснения заглушил шум подъехавшего микроавтобуса. Надо же, даже раньше времени! Уже садясь, удивился: окна маршрутки были затонированы.

Я прошел в салон и устроился на единственном свободном месте у окна, подернутого мутной пеленой. Странно! Хотел было передать деньги за проезд, но буквально застыл на месте, когда услышал усиленный микрофоном насмешливый голос водителя: «Следующая остановка санаторий «Сладкая жизнь». При этом с первого ряда одобрительно заржали. Мне стало не по себе. Какой еще санаторий?!

– Простите, что он сказал? – я повернулся к мужчине, сидящему сзади.

– Тебе не все равно? – угрюмый мужик взглянул на меня исподлобья. – Теперь других остановок не будет!

– Что значит, не будет?

Я вскочил с места и двинулся к кабине:

– Водитель, остановите, пожалуйста, я сойду.

– Сядь и не возникай! – с переднего сиденья поднялся бородатый громила и преградил мне путь. При этом он небрежно откинул полу кожаной куртки, демонстрируя рукоятку пистолета за поясом. – Пикнешь – вышибу мозги! – лениво пообещал он и уселся на свое место.

Только теперь я обратил внимание, что в автобусе сидели одни мужики, примерно моего возраста, и, судя по их одежде, далеко не олигархи! На задних креслах вольготно развалились двое явных отморожков в камуфляже и с интересом наблюдали за моими действиями. Рядом с одним из них на полу стоял «Калаш», прислоненный к креслу, а другой держал такой же на коленях.

Сомнений не осталось: мне «посчастливилось» попасть в лапы террористов! Я обреченно сел на место. Как такое могло произойти, да еще посреди бела дня? Я инстинктивно полез в карман за мобильником.

«Даже не думай! – один из охранников подошел ко мне. – Дай-ка сюда аппаратик. Целее будешь!» – он взял мой телефон, бросил его на пол и демонстративно наступил на него каблуком своего армейского берца. Раздался жалобный треск мобилы и хриплый хохот второго охранника.

Что было делать? Я не мог поверить, что в большом городе вот так запросто можно угодить в заложники к бандитам, захватившим рейсовый микроавтобус, и разъезжающий по улицам с тонированными стеклами? Почему хотя бы этот факт никого не насторожил, не привлек внимания других людей? И тут меня осенило: микроавтобус остановился на остановке потому, что я там был один! Значит, им нужны только мужчины! Но зачем?!

Да, съездил я на собеседование!

Тем временем автобус изменил ход. Теперь мы двигались медленнее и с поворотами. Выехали за город, что ли?

Наконец, скрипнули тормоза, и водитель призывно просигналил. Тотчас послышался скрип и лязг открываемых ворот, мы въехали и остановились.

«Выходить по одному и сдавать документы водителю!» – скомандовал бородач с пистолетом и выпрыгнул в открывшуюся дверь.

«Пошевеливайтесь, быдло!» – прикрикнул бандит с автоматом и передернул затвором.

Кошмар продолжался. Мужики покорно потянулись к выходу. Дошла очередь и до меня.

– Паспорт давай! – водитель протянул широкую, как лопата, ладонь.

Я замешкался.

– Видите ли, у меня нет с собой документов. Я – безработный, просто вышел в магазин! – соврал я, сильно рискуя, ведь обыскать меня не составляло никакого труда, но почему-то мне казалось, что без документов окончательно лишусь собственного я.

«Не задерживай!» – опять крикнули сзади, и водитель сделал нетерпеливый жест в сторону выхода.

Неужели пронесло?! Мы находились на большой площадке, огороженной глухим бетонным забором с высокими металлическими воротами. Повсюду валялся строительный мусор, кучи земли, песка и щебня, но строительных объектов не наблюдалось. Кроме двух длинных дощатых барачков, стоящих буквой «Г», здесь был еще длинный навес с грубо сколоченным столом и двумя скамьями по обе стороны.

«Добро пожаловать в наш санаторий!» – объявил с наглой улыбкой Бородач, судя по всему, главный. – Здесь вы будете работать, спать, жрать и наслаждаться жизнью! А кто будет сачковать, останется здесь навсегда – рядом с местом своей новой работы! – он ткнул пальцем вниз. – А сейчас – за работу! Давай их к остальным! – кивнул он охранникам.

И нас, как стадо, прикладами стали загонять в открытую дверь одного из барачков. У меня потемнело в глазах. Вот так, в одночасье я превратился в раба, безмолвную скотину, быдло! Что будет с моими девочками, моей жизнью? И это в мирное время?!

В нашей колонне из семи человек я шел последним, и это позволяло мне немного осмотреться и оценить обстановку. Я увидел, как Бородач с водителем, оживленно беседуя, зашли в другой барак и прикинул, где стоял автобус с работающим двигателем. Заметил также, что один из охранников пытается прикурить, повесив автомат на плечо, а второй нетерпеливо переминается с ноги на ногу, ожидая, когда вся колонна протиснется в узкий проход.

Я присел якобы завязать шнурки, краем глаза следя за конвоиром.

Он с недовольно ткнул меня дулом в спину: «Потом завяжешь!»

Пора! Я резко выпрямился и развернулся, перехватив автомат и одновременно нанося ему носком ботинка сильный удар в пах.

От неожиданности и боли охранник выпустил оружие и, охнув, мешком повалился на землю, а я направил автомат на второго, так и не успевшего снять свой с плеча.

– Оружие на землю, живо! – я передернул затвор. Он немного помедлил, но сдернул автомат и бросил его под ноги.

– Все равно никому из вас не уйти! – процедил он, кося глазом на второй вход.

Я дал короткую очередь над его головой.

– Мордой вниз, ублюдок, руки за спину, быстро! А ты забери у него «Калаш»! – обратился я к мужику с расплывающимся синяком под глазом, что как истукан застыл впереди меня. – Обыщи обоих! Стрелять умеешь?

– А то! – побитый мужик неуклюже принялся обшаривать карманы бандитов, в которых оказались и наручники.

– Отлично, пристегни их друг к другу! Остальные в машину бегом! Один за руль! – я отдавал отрывистые команды, хотя в армии никогда не служил, если не считать двухмесячных сборов на военной кафедре института.

В это время на звук выстрелов выскочили Бородатый с водителем и на ходу начали палить из пистолетов, отрезая нам путь к машине. Все залегли, а я открыл ответный огонь.

– Прикрой меня! – крикнул я Побитому, продолжая поливать из автомата бандитов, укрывшихся за кучей песка. Вокруг, выбивая фонтанчики земли, визжали пули. – Отползайте за насыпь! – заорал я, чуть приподнявшись, и тут же почувствовал сильный удар в грудь.

«Не успел...» – промелькнуло сожаление в мозгу, и мое сознание померкло.

– Мужчина, мужчина! Вы меня слышите? – раздался визгливый женский голос у меня над ухом.

Я открыл глаза. Передо мной стояла женщина и трясла меня за плечо.

– Вы едете? – она указала на маршрутку, из которой выходили пассажиры.

– Да, да, спасибо. Кажется, уснул немного.

Я поднялся с лавки и увидел, как за оградой сада толстуха в платке вместе с нерадивым гастарбайтером растаскивали потухший, но все еще дымящийся костер.

– И откуда ты, дурья башка, целый куст белладонны приволок? – бубнила она громко. – Это же сильнейший наркотик, даже в засушенном виде! Дымом-то хоть не надышался? А то глючить начнет! Дело проверенное!

Я помотал головой, стряхивая остатки видения. Да уж, теперь и я сам могу подтвердить этот факт!

Уже в маршрутке посмотрел на часы – ничего, успеваю. Надо же, белладонна! А ведь в переводе с итальянского название этого растения звучит как «красивая женщина». Где-то читал, что оно названо так из-за его удивительного воздействия на глаза итальянских прелестниц, которые приобретали необычный и неповторимый загадочный блеск.

Но именно благодаря этой «красивой женщине» я смог посмотреть на себя с другой стороны. Понять и оценить свой скрытый жизненный потенциал. Пусть и в наркотическом сне,

совершить истинно мужской поступок, ради собственной свободы и во имя своих женщин! И теперь я уже не сомневался: у меня, действительно, все будет хорошо!

Я – болельщик!

Есть на свете мужчины, которые при слове «спорт» равнодушно пожимают плечами. Им в жизни не повезло – вероятно, в далеком детстве сильно досталось мячом или перегнала на дистанции понравившаяся девчонка... В общем, я – не из их числа! Любовь к спорту не привела меня на стадион, зато она каждый вечер приводила меня на мой персональный «диванный тренажер» перед телевизором.

Вы, наверное, уже поняли: я – болельщик со стажем и горжусь этим! Ведь я ощущаю себя солдатом целой армии настоящих мужиков, крепких, если не телом, то душой! Но... к большому сожалению, моя жена Катя – увы – совсем не разделяет моих пристрастий! Эта женщина люто ненавидит все, что связано со спортом! Но я, как могу, делаю все, чтобы это противоречие не отравляло нам жизнь.

– Плюнь ты на это! – сказал мне мой друг Володька, такой же заядлый болельщик, когда мы с ним после работы зашли в местную забегаловку попить пивка с горя.

– Что значит, плюнь?

– Не ты первый, не ты последний! Я бы сильно удивился, если бы твоя жена лежала рядом с тобой на диване и под пиво громко «снямала с судьи мыльную стружку»!

Я внутренне содрогнулся, представив на миг эту жуткую картину, но на душе все равно было гадко.

– Я же не один такой! У всех жены, как жены – ну, не любят они, скажем, футбол, но ведь не устраивают же из-за этого ежедневные «бои без правил»!

– Это верно! – кивнул Вовка. – Вот поэтому, братан, я и не женюсь!

– Еще бы! – я усмехнулся. – Да существуй сейчас мировое первенство по количеству браков на единицу времени, ты наверняка ходил бы в призерах! Зато твой последний, четвертый брак, был самым удачным – ты аж целых четыре месяца продержался!

– У меня – другое дело! – тотчас возразил он. – Валюха оказалась никакой хозяйкой! Вечно пропадала в своей консультации дотемна. Вот прикинь, Сема, я ей говорю: ты – дипломированный психолог – чужим людям даешь советы по семейной жизни, а родного мужа накормить не можешь! И знаешь, что она мне ответила? Кухня, мол, не ее призвание! Ну, не дура ли?

– А может она просто того – слева от тебя свое призвание искала, а? Она ж на десять лет тебя моложе!

– И что? – взбрыкнул было Володька. – Да и нет у нее никого! А босс ее – Антон Антоныч – не в счет! Ты бы видел этого борова в пенсне! – Вовчик задумчиво погрыз хвостик воблы. – Вообще-то, я проверял ее как-то пару раз – приходил по-тихому к концу работы. Точно, сидят там оба, как пришитые! И народ ведь к ним валом валит!

– Валом, говоришь? Слушай, а, может, и мне сходить к этому... Антонычу?

Володька хмуро взглянул на меня:

– Не советую! Ничему хорошему они не научат!

– Значит, решено, пойду! Если хочешь долгой счастливой жизни с любимой женой, спроси совета у чемпиона по разводам и сделай наоборот!

Уже на следующий день, отсидев очередь в предбаннике «Консультации по скорой психологической помощи», я предстал пред ясные очи «борова», затемненные стеклами модных очков. Антон Антоныч имел собственный кабинет, такой же солидный и насквозь пропитанный дорогими духами, как и его хозяин.

– Ну-с, молодой человек, – он потер пухлые ладошки, словно экстрасенс перед сеансом. – Итак, чем могу служить? – он откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди, как бы невзначай, демонстрируя два массивных золотых перстня.

Я вкратце пояснил ему суть проблемы, добавив, что разводиться не хочу, так как люблю свою жену, но и жить так больше не могу.

– А поменять привычки не пробовали? – он немного наклонил голову, открывая чудный вид на обширную плешь.

– Не пробовал и не собираюсь! – я был категоричен.

– Скажите, а как давно продолжаются эти скандалы? Как я понял, ведь раньше такого не было?

– С каждым годом все сильнее. Особенно невмоготу стало с началом Олимпиады. Ну, вы понимаете, каждый день соревнования...

– А по другим поводам у вас бывают ссоры, скажем по бытовым вопросам или из-за денег?

Я задумался. А ведь, действительно, Катя пилила меня по любому поводу. Я только сейчас понял, что настолько привык к ее постоянному брюзжанию на тему валяющихся носков-грязных ботинок-невынесенного мусора-плохого влияния на дочь-копеек вместо зарплаты, что просто перестал это замечать. И реагировал теперь только на более серьезные покушения на мою свободу – просмотр спортивных телепередач!

– Да, Антон Антоныч, вы правы: она третирует меня круглосуточно, делая перерыв только на сон. Раньше выручал секс, но теперь и он – превратился еще в один информационный повод...

– Все понятно, голубчик! Ситуацию вашу можно описать простым словом – труба!

– В том смысле, что не стоит обращать внимания – как вода в трубе – течет и течет себе?..

– В том смысле, что дело ваше – труба! А если выразиться интеллигентней, когда в семье нет взаимной любви, здесь уж никакой семейный психолог не поможет! Ваша жена, уважаемый Семен Андрейч, вас просто не любит! И спорт здесь совершенно ни при чем. Мой вам совет: разводитесь, пока не поздно!

– Что вы имеете в виду?

– Пока еще есть возможность наладить семейную жизнь вам обоим – но уже с другими партнерами! И пока вы оба окончательно не растеряли свое здоровье в околоспортивных скандалах. Поверьте моему опыту, известное выражение: «стерпится – слюбится» – обратной силы не имеет! Если уж вас женщина разлюбила, то не то, что футбол, в вас ее будет раздражать любая мелочь, даже то, как вы спите или, пардон, ходите в туалет!

– Как вы об этом догадались?

Толстяк самодовольно усмехнулся и внимательно осмотрел свои ухоженные, как у дамы, ногти:

– А с чего бы я здесь, как дурак с гармошкой, каждый день народ собирал?

Дурак не дурак, но такие бабки, что мне пришлось выложить за сеанс психотерапии, ни на одной ярмарке не заработать даже целому ансамблю гармонистов!

Но денег мне не было жалко, меня неприятно поразило то, что доктор Антоша прав – я и сам давно это смутно чувствовал, только боялся себе признаться. Катя меня, действительно, разлюбила и уже давно тяготилась нашим браком, хоть и не говорила об этом. Скорее всего, из-за дочери-пятиклассницы.

Задумчивый, я пришел домой и первый раз за все время не включил за ужином маленький «кухонный» телевизор.

Катя с удивлением посмотрела на меня:

– Что еще ты натворил? – немного в нос проговорила она. И этот факт ничего хорошего не сулил. Больная, она становилась еще злее!

– Ничего! – скромно ответил я, решив не провоцировать жену на скандал.

– А рожа почему загадочная? – супруга уперла руки в бока.

– Обычная! – хмыкнул я, пряча глаза в тарелку с макаронами.

– Я же вижу, что-то не так: не врубил свой поганый телик на всю катушку, сразу помыл руки, даже ботинки, сволочь, аккуратно поставил! Говори, лучше сразу. Сама узнаю – хуже будет!

Я пожал плечами, всем своим видом излучая добродушие.

– А где ты шляется целый час, скотина? – не унималась женушка. – Пивом от тебя не воняет – я бы даже одной ноздрей учуяла! – Она приблизилась ко мне вплотную и с шумом втянула воздух наполовину здоровым носом. – Так я и знала, зараза! – удовлетворенно прошипела она. – Здесь замешана баба! Ну и вкус у твоей шалавы!

– Это мужской парфюм! – выдал я невольно «тайну мадридского двора». Но Катерину это только раззадорило. Она торжествующе долго смотрела на меня, а потом медленно, по слогам произнесла:

– Е-ще хле-ще!

Я сделал слабую попытку ретироваться на спасительный диван, но она была тут же пресечена следующим выводом:

– Значит, уже до мужиков докатился, ничтожество!

– Катя, побойся бога, нас же может услышать Леночка! Я был на консультации у психолога, и это запах его духов! Если хочешь, могу визитку показать!

Какое счастье, что, расплачиваясь на кассе, я прихватил визитную карточку Антон Антоныча! Жена долго вертела в руках красивую бело-золотую картонку с кокетливыми вензелями и, наконец, промолвила:

– Никогда бы не подумала, что у тебя на это хватит ума!

– Ты права, это Вовчик меня надоумил.

– Это тот длинный алкаш, с которым я тебя у пивной застукала пару месяцев назад?

– Он вовсе не алкаш, а нормальный мужик, работает врачом на «скорой», просто ему с женами не везет. Кстати, его бывшая работает в той же консультации!

– И что это меняет? – сказала Катя на полтона ниже. – Такой же урод, небось, как и ты! – она опустила на стул, касаясь своей тяжелой грудью края стола. – Если бы ты знал, как мне все это надоело! – она закрыла лицо руками, – Как я от всего устала!

– От чего устала, Катюша? – я поразился перемене в ее настроении. – Извини, если я делаю что-то не так. Ну, хочешь, я вообще перестану смотреть спортивные передачи, не буду пить с Вовкой пиво, и стану приходить домой вовремя? – на меня вдруг первый раз за много лет накатила волна жалости к супруге.

Она внимательно посмотрела мне в глаза и... вдруг улыбнулась:

– Да ладно, я и сама, порой бываю не совсем справедлива к тебе, как сегодня, например. Знаешь, Сема, и ты извини меня... за резкость, попреки эти и запреты вечные! Совсем я тебя заклевала! А хочешь, завтра вечером устроим небольшой семейный праздник? В знак примирения, что ли! Ты и приятеля своего можешь пригласить! А что? Хватит вам с ним по углам жаться и пиво тайком сосать! А я завтра курицу тебе запеку..., как ты любишь! Что скажешь?

Я потерял дар речи! Глупо улыбаясь и не веря своим ушам, я только кивнул.

– Кстати, – продолжала ворковать «перековавшая мечи на орала» моя жена – ты сказал, что твой друг доктор? Я ведь немного простудилась, и все равно собиралась идти к врачу. Как думаешь, удобно к нему с этим вопросом обратиться?

Я снова кивнул, как бессловесный китайский болванчик.

– Вот и хорошо! Ты уже поел? Ну, иди смотри свой футбол!

– Хоккей! – поправил я ее машинально.

Я не ослышался? Что происходит? Вот тебе и специалист-психолог! А говорил, что любовь ушла! Нет, толстячок, моя Катя все еще любит меня!

Когда я рассказал Володке об удивительной перемене с моей женой, он посмотрел на меня как-то странно:

– С чего бы это? Неужто боров Антоша помог? Что-то здесь не то!

– Все то! Я просто попробовал немного поменять свои привычки и – вуаля! Прикинь, она даже собирается приготовить завтра мое любимое блюдо, которое лет сто не делала! Кстати, и ты тоже приглашен! Заодно осмотришь ее нос. Она просила по дружбе.

– Я? – удивлению Вовчика не было предела. – Ты же говорил, что она запрещает водить друзей...

– Говорил, говорил, – перебил я его, – но теперь все изменилось! Вот что значит последовать совету умного человека и попробовать немного себя изменить! Так ты придешь?

– Почему бы нет! – пробормотал Вова. – Спасибо, за приглашение!

Вечер удался на славу! Моя раскрасневшаяся и сразу похорошевшая супруга, словно поленькая стрекозка, порхала между кухней и комнатой, где расположились на диване перед телевизором мы с Вовчиком, бурно болея за нашу женскую команду по керлингу. Я радовался как ребенок, нахваливая еду, свежее пиво, купленное Катей, и новый для нас вид спорта. Но друг почему-то, не разделял моей радости и сидел мрачнее тучи.

– О чем грустим? – хлопнул я его по плечу. – Все в порядке, Вовчик?

– Завидую я тебе, Семыч! – шепнул мне на ухо приятель. – Белой завистью! У тебя, оказывается, такая жена... симпатичная, а хозяйка какая! Не то, что у меня! Дурак, ты, братец, что цапаешься с ней! Да за такую женщину надо держаться обеими руками! Тем более, есть за что! – он проводил жадным взглядом аппетитную фигуру Кати, удалявшейся на кухню.

Я чуть не поперхнулся курицей.

– Ты это, ты того!.. – у меня внезапно кончился словарный запас, ведь я хорошо знал этот его плотоядный взгляд, которому когда-то сам дал название: «голодный питон в брачный период»!

– Вы бы присели, Катюша, – не обращая на меня никакого внимания, ласковым голосом запел этот павлин, как только моя жена снова появилась в комнате. – Смотрите, на столе уж и места свободного нет, а вы все хлопочете!

Катя с благодарностью взглянула на него и присела по другую сторону стола. Вовка тут же расправил павлиний хвост и принялся ее обхаживать: налил вина, придвинул тарелку, предложил фрукты.

Я же сидел как истукан, оцепенев от его наглости. На моих глазах мой друг в моем доме «окучивал» мою жену без зазрения совести! Пока я мучительно подбирал самые хлесткие слова и готовился с треском вышибить вон этого хлыща, Катя вдруг встала из-за стола с бокалом в руке. Я глянул на нее и пораился особенному блеску ее глаз, который успел уже основательно подзабыть.

– Давайте выпьем, мальчики, – проговорила она своим простуженным голосом, – за... любовь! – при этом она многозначительно посмотрела на Вовку и первая осушила свой бокал.

– Поддерживаю! – тотчас отозвался этот гад и последовал ее примеру. На меня никто из них даже не взглянул... Все было ясно без всяких слов!

Я плюнул и вышел на балкон, чтобы не видеть их счастливые рожи...

Надо ли объяснять, чем закончилась эта история? С Катей мы развелись довольно скоро, и она сразу же вышла замуж за моего бывшего друга Володку. Сейчас они с Леночкой живут в его квартире ...

Я остался один, но совсем не грущу, так как понял одну прописную истину: насильно мил не будешь, даже если весь вывернешься наизнанку! Ничего, может и мне повезет найти именно свою женщину. А пока все вечера я с удовольствием провожу на своем диване, громко болея за любимую команду. Теперь ничто и никто не отвлекает меня от этого процесса. Ведь я – болельщик!

А совсем недавно я случайно встретил свою бывшую супругу у газетного киоска, где она настойчиво интересовалась газетой – кто бы мог подумать – «Спорт-Экспресс»... Поистине, любовь творит чудеса!

Заколдованный цех

Я часто вспоминаю, как впервые появился в том цеху. В отдел кадров станкостроительного завода я пришел, что называется наудачу – без предварительного звонка.

Начальник отдела кадров, немолодой упитанный дядька с прилизанными на пробор волосами, выпятив нижнюю губу, долго вертел в руках мой диплом, словно пытался сквозь строчки увидеть мою профпригодность. Наконец, оторвавшись от созерцания документов, он задал сакраментальный вопрос:

– В цех пойдете? Сменным мастером?

– Я и работал мастером механосборочного цеха у себя в городе после распределения.

– Ну, и отлично! Значит, вам эта работа знакома! – завкадрами удовлетворенно потерпухлые ладошки. – У нас как раз есть сейчас одно вакантное местечко в пятом цеху. Только сразу хочу предупредить: цех этот непростой, многие его называют даже заколдованным, да и мастера там меняются, как перчатки, чуть ли не каждые полгода!

– Трудностей я не боюсь, мне сейчас очень нужны деньги – я только-только женился, живу у родителей жены и не хочу ни от кого зависеть! – мгновенно отреагировал я.

Это старое обшарпанное двухэтажное здание из красного кирпича, действительно, было словно заколдованным: чуть ли не каждый месяц здесь происходили странные ЧП. Беспрепятственно выходило из строя оборудование, разъезжались вдруг промасленные стопки листов металла с опасными острыми кромками и даже обрывались стропы талей с подвешенным грузом. И все это представляло прямую угрозу здоровью рабочих. Казалось, только чудо спасает работающих здесь людей!

Но работяги не унывали, ведь зарплата самых квалифицированных из них была чуть ли не вдвое выше моей! Среди них были просто виртуозы своего дела. Я только диву давался, каких высот можно было добиться людям, буквально не просыхающим от ежедневного употребления спиртного. Принять стакан перед сменой, во время обеденного перерыва и уж конечно после работы считалось вполне обыденным делом. Пили, безусловно, и на моем прежнем месте работы, но то, что я увидел здесь, переходило все мыслимые пределы.

Начальник цеха Михал Саньч, как его все называли, дядька пенсионного возраста, несколько не уступал в этой ипостаси своим подчиненным. Правда выпивал он в основном после работы в одиночку или в обществе контролера Матвеича – маленького верткого чело-вечка с хитрыми блестящими глазками, да сварщика дяди Коли.

Пенсионер-сварщик дядя Коля – коренастый мужичок с большой белой головой, черными мохнатыми «брежневские» бровями и удивительно молодыми глазами был личностью весьма примечательной. Весь укутанный дымом не только от сварки, но и от неизменной «Беломорины», он был виртуозом своего дела.

Не менее забавно было видеть дядю Колю и во время обеденного перерыва, когда он, играя в домино, умудрялся одновременно обедать, хохотать и хохмить! В его огромной правой пятерне укладывались все семь костяшек, которыми он лихо управлялся одной рукой, потому что в другой у него находился его неизменный обед из четырех блюд – именно столько предметов размещалось между пальцев его левой руки. Кусок хлеба, колбасы, огурца и вареного яйца откусывались попеременно, не прерывая игры ни на секунду!

Жизнь потихоньку налаживалась, в цеху я стал своим, с рабочими у меня сложились неплохие отношения, чего нельзя было сказать о начальнике. И дело было даже не в том, что я не разделял его обязательные послесменные излияния. Я просто держал вежливую дистанцию, поскольку чувствовал себя не в своей тарелке в компании людей, много старших себя.

А тем временем по цеху поползли слухи, что директор завода отказал в просьбе Михал Санычу остаться на должности после выхода на пенсию. И некоторые из рабочих, судача между собой на эту тему, рассматривали мою кандидатуру как вполне ожидаемую и приемлемую. Даже дядя Коля, с которым у меня сложились наиболее теплые отношения, как-то намекнул мне, чтобы в свете грядущих событий я не особо чурался их ежевечерних посиделок и попробовал наладить контакт с начальником, от которого много чего зависело. Я вежливо обещал подумать.

И такой повод вскоре настал. Наш цех, наконец, получил переходящее Красное знамя, с чем на торжественной пятиминутке нас всех и поздравил Михал Саныч. После смены ко мне подошел Матвейч и по-простецки пригласил на дружеский «сабантуй» по столь торжественному поводу. На этот раз отказываться я не стал.

Вместе мы вошли в кабинет начальника цеха, где уже были сдвинуты вплотную друг к другу покрытые старыми газетами два письменных стола, на которых располагалась нехитрая, но обильная закуска. В центре красовались две бутылки водки.

– А, Миша! – в приветствии сузил глаза начальник. – Наконец-то и ты почтил нашу компанию своим присутствием! Проходи, выпей с нами в честь праздничка! Или так посиди, если брезгуешь, сделай одолжение!

– Отчего же! – мое самолюбие было несколько уязвлено. – С удовольствием выпью по такому случаю!

В тот вечер я надрался изрядно. Первый раз за весь год. Как добрался домой, не помню. Единственное, что осталось в памяти, это то, как меня сильно тошнило, и как теща язвительно выговаривала моей жене что-то насчет пьяных оргий.

Утром я еле поднялся и на работу пришел не в самом лучшем расположении духа. Но все это было ничто в сравнении с тем, что меня ожидало. Как только я появился в цеху, меня тут же вызвал начальник.

– Ну, что, докатился?! – выдал он вместо приветствия, едва я переступил порог. – Никак я этого от тебя не ожидал, тетка! Что же это получается? Мы к тебе со всей душой, а ты?! У своих воровать?!

– Пойдите, Михал Саныч, о чем это вы? – Меня будто кипятком ошпарило. Никогда в жизни по отношению к себе я не слышал ничего подобного. – О какой краже вы говорите?

– Может, еще скажешь, что ты не подходил к кейсу Матвейча? Не рассматривал его, перед самым уходом?

– А причем здесь это? – удивился я. – Ну, да, смотрел. Это же настоящее произведение искусства! Не каждый день увидишь стальной самодельный кейс, обшитый кожей! Его что, украли?

– Не прикидывайся дурачком, тебе это не идет! – произнес начальник спокойно. – Не кейс, а деньги из него пропали – целых сто пятьдесят рублей! И не говори, что тебе об этом ничего не известно! Матвейч сразу же после твоего ухода их хватился.

– Да почему вы решили, что это я их взял?! Может, у него их там и не было вовсе!

– Были! Он при мне из кейса своего дурацкого вынимал всю пачку, что у него от премии осталось, когда мы скидывались на вчерашнюю пья... встречу. Вот и посуди сам: были деньги, а после того, как ты подходил к кейсу, пропали! И получается, никто, кроме тебя, их взять не мог. Я всех своих как облупленных знаю, а ты у нас – без году неделя! Да и мутный ты какой-то – коллектива чураться, прикидываешься, что не пьешь, а выжрал вчера полпузыря наравне с нами, с работягами миндальничаешь опять же...

В общем так: Матвейчу деньги верни, пока я не довел это дело до суда. А тебе, как старший товарищ и твой руководитель, советую: уходи-ка ты по собственному желанию, все равно тебе теперь здесь не работать – крыс в нашем цеху мы не потерпим!

От начальника я вышел оглушенный. Перед глазами у меня плыли разноцветные круги, в ушах шумело. Вот так, на ровном месте я сделался крысой, сам того не ведая! Что же делать? Неужели это подстава? Но кому и зачем нужно было так по-глупому меня подставлять?

Пока я, убитый, сидел в курилке, ко мне подошел дядя Коля и молча уселся рядом, доставая «Беломор».

– Эх, дядя Коля, – вздохнул я, – зачем только я вас послушал и поплелся на этот сабантуй гребаный! Теперь все считают меня вором, а я ничего не брал! Вы-то хоть мне верите?

– Я верю, Миша, но против фактов не попрешь! – он глубоко затянулся и сквозь сизый дым внимательно посмотрел на меня. – Вчера Матвейч после твоего ухода такой крик поднял, что мы чуть не оглохли. Все уверены, что это твоих рук дело. Слушай, ты же вчера изрядно выпил с непривычки, был не в себе, может, того... машинально?..

– Да вы что?! – я вскочил с места. – Клянусь вам, что никогда в жизни не брал чужого!

– Да, дела... Да и Матвейча я знаю, он про деньги в любом состоянии не забудет... а тут такое!.. Если только... они с Санычем не задумали черное дело: – он посмотрел мне в глаза, – подставить тебя и убрать из цеха, чтобы, значит, не подсел ты его... А что, с Матвейча станется!.. Но, не пойман – не вор!

– И что же мне делать?

– Уходи, Миша, – мой тебе совет!

– А деньги?

– Деньги придется отдать!

– Но я тем самым подтверждаю воровство!

– Иначе, Мишаня, они испортят тебе всю биографию! Оно тебе надо?

– Нет, дядя Коля, я этого так не оставлю, я буду бороться и докажу, что не вор! Не знаю, как, но свое честное имя я не дам втоптать в грязь! – я встал с лавки и пошел в цех.

Домой я пришел сам не свой. Всю ночь не сомкнул глаз, обдумывая свое положение. Прикидывал так и эдак, но ничего путного не выходило. Как бы я не поступил, все было плохо. В те времена эта сумма была весьма существенной. А кража на производстве, да еще в присутствии нескольких свидетелей, вообще выглядела мерзко.

У меня никак не выходило из головы предположение дяди Коли о возможности подлого заговора начальника и контролера. И это было единственным логичным объяснением этого происшествия. Я решил, что при всех швырну эти проклятые деньги Матвейчу в его хитрую морду и скажу им обоим все, что я думаю об этом! А потом напишу заявление и уйду с высоко поднятой головой.

В это утро я впервые за целый год опоздал на работу. В цеху было на удивление тихо, если не считать гула голосов рабочих, о чем-то оживленно споривших. Я оторопело остановился у входа.

«Вот он!» – крикнул кто-то, и голоса смолкли. Я понял, что они говорили обо мне!

«Начинается!» – У меня засосало под ложечкой. – Уже знают! Ну, что ж, тем лучше, пусть все услышат, что я думаю об их начальнике!»

– А, Михаил Андреевич! – из кабинета вышел начальник цеха. – Вы не могли бы подняться ко мне? – В его голосе мне почудились странные нотки.

– С удовольствием! – Полный решимости, я взбежал по ступенькам и вошел в кабинет, в котором уже сидел весь комсостав и несколько рабочих из актива цеха. Сердце у меня бухало так, что, казалось, его было слышно по всему цеху. Сейчас я им выскажу все!..

– Уважаемый Михаил Андреевич, – начальник смущенно кашлянул, – позвольте мне при всех присутствующих извиниться перед вами за необоснованные обвинения в воровстве. Как выяснилось, сегодня утром у нашего Павла Матвеевича эти проклятые деньги чудесным образом вдруг появились в его кейсе! К вам нет никаких претензий! У меня все! – он повернулся

к остальным: – Ну, теперь вы довольны? Всё, расходитесь по местам и приступайте к работе! Все претензии к Матвеичу!

Я ничего не понимал.

– Мишаня! Ей богу, я сам не знаю, как это получилось! – Матвеич смотрел на меня растерянно. – Они исчезли, клянусь мамой, а потом воскресли! Вот те крест! – он истово и неумело перекрестился. – Братцы, ей богу не вру! Хоть убейте!

Молча, я повернулся и вышел из кабинета. Словно во сне, проходил я сквозь строй рабочих, ощущая их поддержку, слыша слова одобрения, но для себя я уже все решил. Ухожу!

Теперь я понимал мастеров, которые под разными предложениями и по разным причинам покидали этот проклятый цех. И я, к сожалению, исключением тоже не стал.

После увольнения я часто задумывался над всем, что со мной случилось. Перерыв кучу специальной литературы и сопоставив факты, я пришел к единственно логичному выводу о том, что цех, скорее всего, находится в так называемой геопатогенной или аномальной зоне.

В таких местах, как правило, происходят необъяснимые явления, когда внезапно пропадают и появляются различные мелкие предметы (неужели, пропажа денег – из этой же серии!); подвергаясь негативному воздействию со стороны зоны, механизмы и электронные приборы выходят из строя; существенно ухудшается здоровье людей, их психическое состояние и поведение...

Примерно через год я случайно встретил одного из своих бывших слесарей, который рассказал мне последние цеховые новости.

– Теперь в цеху вместо Михал Саньча новый начальник, – говорил он, – Вместе с ним ушел и Матвеич. И что интересно: перед уходом он сильно нажрался и признался в том, что это он хотел тебя тогда подставить с деньгами – дескать, начальник подбил! Но в последний момент передумал – испугался, что ты начнешь расследование и подключишь своего дядю-мента!

– Я? Расследование? Какого еще дядю? Нет у меня никакого мента, и делать ничего я не собирался!

– Надо же! – протянул слесарь. – А Матвеич сказал, что это ему дядя Коля тогда по секрету шепнул! Ну и дела! Выходит, старик его на пушку взял! Жаль его, уволился тоже. Первое время он по привычке еще заходил в цех, но потом ходить перестал... Что касается оборудования, оно по-прежнему ломается, несмотря на обновленный парк. А про случай с мнимой кражей все давным-давно забыли, но тебя вспоминают с большой теплотой...

Пока он говорил, меня не покидала мысль о том, что это и есть самое главное – чтобы о тебе вспоминали с теплотой...

Кино, вино и домино...

Я сидел в кресле и смотрел по телевизору одну из моих любимых мосфильмовских картин «Зимний вечер в Гаграх». Я наслаждался игрой актеров, а мои мысли перенесли меня на три десятилетия назад, в мою молодость, когда я впервые переступил порог самой большой киностудии в Европе.

Для меня, большого любителя кино, Мосфильм представлялся тогда таким волшебным островом в безбрежном океане повседневности, дивным райским местом, где творятся чудеса...

На студию я попал совершенно случайно – так часто бывает в жизни. Я работал тогда сменным мастером на станкозаводе, и моя предсказуемая и понятная жизнь текла размеренно и спокойно. Но появление на моем участке новичка – молодого парнишки, работавшего раньше на... Мосфильме(!) – изменило мою жизнь самым кардинальным образом!

Это была моя судьба! Я кожей чувствовал, что нащупал свое место, ведь там меня ожидала безумно интересная работа, чего так не доставало мне на заводе с его бесконечной монотонностью и рутиной...

И мои ожидания вполне оправдались! Вскоре я уже свыкся с бесконечной суматохой, которую приносили в наш цех декораторы, художники по картинам, ассистенты режиссеров, операторы, среди которых были люди с очень известными фамилиями.

Народ в нашем цеху был самый разный, и, несмотря на близость к «самому главному из искусств», ничто человеческое ему было не чуждо. Об одной такой «киношной» истории, главными действующими лицами которой были заведующая инструментальным складом тетя Паша и фрезеровщик Николаев, я и хочу рассказать.

Тетя Паша была очень шумной, скандальной и мстительной особой пенсионного возраста. Она никогда не была замужем и, видимо, давно смирившись с участью старой девы, махнула на себя рукой. Довольно полная, с вечной одышкой, она редко показывалась в цеху и почти безвылазно сидела в своей вотчине, где чувствовала себя абсолютной и полновластной хозяйкой. Но ее хрипловатый резкий голос, срывающийся на крик, можно было слышать почти каждый день. И это означало одно: какому-то несчастному срочно понадобился инструмент!

Тетю Пашу, мягко говоря, недолюбливали и побаивались ее острого язычка, с которого слетали далеко не парламентские выражения. Даже сам начальник цеха Олег Николаевич предпочитал не иметь дела с конфликтной кладовщицей. Но особенно невзлюбила тетя Паша Серегу Николаева – веселого крепыша, бывшего моряка и забияку, который никогда не упускал случая над ней посмеяться.

В общем, эта «сладкая парочка» стояла друг друга, тем более, они оба частенько «закладывали за воротник». И если тетя Паша делала это втихую, закрывшись в своей берлоге, то фрезеровщик выпивал почти открыто, ничего и никого не боясь, поскольку не без основания считал себя «непревзойденным мастером фрезерного дела».

Серега был женатым человеком, и его жена Люся тоже работала на Мосфильме в бутафорском цеху. Чего только не было на этой «студийной кухне», где «готовились» различные части «человеческого тела» – бутафорские руки, ноги, носы, уши, глаза. Даже в витрине при входе в этот удивительный цех-музей были помещены латексные маски – слепки с лиц некоторых действующих популярных актеров!

И вот как-то раз Серега притащил в цех... один из бутафорских безымянных пальцев мужской руки, которые были изготовлены по заказу для съемок очередного фильма. Фрезеровщик ходил и всем показывал принесенный супругой «сувенир», совершенно не отличимый от настоящего. Смеха ради, он даже нацепил на него собственное обручальное кольцо!

Кто-то из рабочих посмеивался, кто-то укоризненно качал головой, но Николаев, в котором мальчишество еще било ключом, продолжал зубоскалить. Наконец, кому-то в шутку взбрело в голову надоумить весельчака показать палец кладовщице. Серега тут же загорелся этой идеей. Заговорщицки подмигнув собравшимся у кладовой зрителям, которые из-за этого отложили даже любимое домино, и, зажав в руке наполовину сточенную фрезу, он настойчиво постучал в закрытую дверь «инструменталки».

– Чего еще! – злобно рявкнула тетя Паша. – У меня обед!

– Еще десять минут, тетя Паш! Имею право! Мне только фрезу поменять!

Послышалось кряхтение, и ее всклокоченная голова высунулась из окошечка в двери:

– Опять ты, Николаев! Ну, чего тебе неймется? – ее мутные глазки красноречиво говорили о том, что ее обед начался с «аперитива». Она повертела в руках Серегину фрезу и выдала категорично:

– Эти на верхней полке лежат! Не полезу!

– Да вы не беспокойтесь, я знаю, где они находятся, – невинным голосом проговорил Серега, – сам достану!

– Вот зараза! – прошипела кладовщица, но дверь открыла. Ссорится с фрезеровщиком именно сейчас в ее планы, видимо, не входило.

Серега проник в помещение, и какое-то время за дверью ничего, кроме обычного глухого ворчания тети Паши, слышно не было. Затем послышался ее громкий недовольный голос:

– Ну, ты скоро там, Николаев?

– Да, всё достал!

– Тогда проваливай скорее, дай спокойно пожрать!

– Сейчас, сейчас, только проверю, как заточена!

– Ты что, издеваешься, сучонок? Да у меня весь инструмент, как бритва острый! – по голосу кладовщицы чувствовалось, что Серега задел ее за живое.

– Дерьмо у вас, а не инструмент, тетя Паша! Готов на бутылку вашей любимой зубровки поспорить, что эта фреза тупая!

– Сам ты тупой, щенок паршивый, ступай отсель, пока я тебе башку этой самой фрезой не отпилила! – не на шутку завелась тетя Паша.

– Зачем башку, когда можно на пальце, например, испытать. Вот смотрите, я сейчас чиркну по пальцу режущей кромкой, и ничего не будет! – невозмутимо продолжал Серега доводить кладовщицу. – Алле гоп, готово!

– Э-эй, ты чего творишь? – завопила не своим голосом тетя Паша. – Ой, батюшки светы! Помогите, люди добрые! Что же это твори-и-ится?!

Послышалась какая-то возня, затем неясный шорох, потом звон разбитой стеклянной посуды и... звук падения чего-то мягкого и грузного. Наступила гробовая тишина. Приоткрылась дверь, и показалось бледная Серегина физиономия:

– Братцы, она кажется... того, дубу дала! – произнес он побелевшими губами.

Наступила немая сцена. Затем на склад забежали двое его товарищей, которые первыми очнулись от оцепенения, и сразу же раздался громкий голос одного из них:

– Да жива она, жива, слава богу! Без сознания только!

Подошедший на шум начальник цеха сразу оценил обстановку. Он тут же вызвал медсестру, которая уже через несколько минут привела тетю Пашу в чувство. Тетя Паша, сидя на полу, крутила головой и ничего не понимала. Рядом с ней лежал злополучный бутафорский палец и разбитый граненый стакан.

Начальник поднял один из осколков и понюхал. Потом заметил бутафорский палец и посмотрел на Серегу, который все это время стоял с низко опущенной головой:

– Твоих рук дело?

Серега обреченно кивнул.

– Так я и знал! Пиши заявление по собственному желанию.

– Олег Николаевич, да я больше никогда, клянусь мамой... – Серега был готов расплакаться. Куда только девалась его бравада.

– А каково было бы твоей маме, если бы ее сына на работехватила «кондрашка» из-за какого-нибудь олуха? – спокойно спросил Олег Николаевич и подошел к Сереге вплотную: – А ну-ка дыхни!

Фрезеровщик снова опустил голову и неловко дунул куда-то в сторону.

– Опять выпивший? Я же тебя один раз предупреждал! Всё, разговор окончен! Точка!..

Олег Николаевич повернулся к тете Паше:

– А вам, уважаемая Прасковья Васильевна, впредь также будет наука! И еще: заканчивайте-ка и вы с горячительным, пока не поздно. Считайте эти мои слова первым и последним предупреждением!..

С уходом Сереги Николаева присмирела и тетя Паша – после случая с бутафорским пальцем больше никто и никогда не слышал ее грозного рыка.

Так закончилась эта трагикомическая история...

...Я сидел у телевизора, с удовольствием следил за игрой любимых актеров, и меня обуреало чувство гордости за то, что в создании этого и множества других отечественных фильмов, есть частица и моего труда. И еще мне было немного грустно, что к этому волшебству я уже не имею никакого отношения...

Закономерная случайность

Часы на стене пробили два раза. Я тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок. В голову упорно лезли мысли, которые никак не давали мне заснуть. Вот всегда так: стоит Наташе укатить в свою командировку, как на меня тут же свинцовым грузом наваливается проклятая ревность. Нет, за два с половиной года совместной жизни моя жена не дала мне ни малейшего повода заподозрить ее в измене. Скорее наоборот – все её подруги чуть ли не хором завидовали нашему «удивительно гармоничному союзу», ведь мы «так здорово смотримся вместе»!

Вот только почему я не нахожу себе места? Что это – такое болезненно-извращенное чувство собственности, которое обостряется всякий раз, когда собственность слишком отделяется от владельца?

Я сел на кровати, обхватив колени руками. Надо что-то делать, или за эту неделю бессонных ночей я элементарно сойду с ума! Я скосил глаза на глупые ходики на стене, беззаботно отстукивающие время. Как жаль, что на дворе глубокая ночь, и не с кем посоветоваться... А, может быть, это со мной что-то не так? Может, мне давным-давно пора лечиться в каком-нибудь «нервном» санатории?..

Кстати, это хорошая мысль! Ведь должны же существовать ночные психологические консультации, или, как их там – телефоны доверия? Найдя в Интернете телефон искомой службы, сразу же позвонил:

– Алло, служба доверия?

– Слушаю вас! – раздался из трубки приятный женский голос. – Чем могу вам помочь в столь позднее время?

– Понимаете, девушка, моя жена уехала в командировку, и мне немного одиноко...

– Понятно, вам, вероятно, нужен секс по телефону? – поспешила оборвать меня собеседница.

– Вовсе нет! У меня совсем другая проблема: я почти уверен, что жена мне изменяет!

– Что значит, почти уверен? – заинтересовалась девушка. – У вас есть основания так думать?

– В том-то то и дело, что нет! Это на уровне шестого чувства, понимаете? Как только она уезжает надолго, я уже не сомневаюсь, что происходит адюльтер! И ничего с этим не могу поделать! У меня бессонница, в голову лезут разные мысли, а перед глазами встают почти реальные картинки ее измен. Я, наверное, схожу с ума! Что мне делать???

Трубка какое-то время молчала, и лишь легкое дыхание на том конце провода выдавало присутствие телефонного психолога. Наконец, девушка произнесла:

– Ваш случай, действительно, интересный и... трудный! Но я постараюсь вам помочь! Подобное мы будем лечить подобным!

– Это как? Самому, что ли, в командировки ездить? Так у меня нет такой возможности.

– Командировки здесь ни при чем! Не хотелось бы давать вам провокационные советы – я ведь не Григорий Остер, а вы не ребенок, чтобы воспринимать их буквально, но, все же, рискну: вам самому нужно завести знакомство с особой противоположного пола. Это поможет вам отвлечься и посмотреть на ваши отношения с супругой другими глазами. Иногда это срабатывает!

– Вы хотите сказать, чтобы излечиться от ревности, нужно изменить самому?! Что за бред? Я люблю свою жену, и никто другой мне не нужен!

– Я говорила всего лишь о знакомстве, но, если этот вариант вас не устраивает, извините! – огорчилась моя собеседница. – Желаю душевного спокойствия и мудрости! – сказала она и отключилась.

Я еще долго слушал короткие гудки, тупо глядя в трубку. Вот это да! Что за психологи пошли нынче, чему только их в институтах учат?

Я выключил свет, накрылся с головой и снова постарался уснуть. Но уже через несколько минут понял: заснуть сегодня без какого-либо допинга мне точно не удастся! Позвонить Вальке, что ли? Он, все-таки, врач-терапевт, может, подскажет, что в таких случаях лучше всего предпринять.

Мой товарищ, с которым мы дружим еще со школы, всегда любил поспать. Валька не был женат и вел свободный образ жизни. Он мог придти домой очень поздно, мог вообще не ночевать у себя, мог привести очередную подружку, и я сильно сомневался, что в этот поздний час он подойдет к телефону. Но мне повезло: на девятый или десятый гудок трубку, наконец, сняли:

– Валь, извини, если разбудил! Но это очень важно! – виновато затараторил я, не давая опомниться сонному приятелю.

– Кто это говорит? Откуда у вас мой номер? – донесся из трубки... недовольный женский голос.

– Извините, – смутился я, – позовите, пожалуйста, Валью.

Ну, конечно же – этот увалень притащил к себе какую-то полоумную девицу, которая спросонья отвечает на чужие звонки, а сам дрыхнет без задних ног!

– Ну, я – Валя! Что вы хотели сказать? Говорите же, я слушаю! – проговорила незнакомка, уже заметно волнуясь.

«Ни фиги себе! – пронеслось в мозгу. – Похоже, я ошибся номером и по удивительному совпадению попал на девушку с таким же именем! Как неудобно получилось...»

И тут мне на ум пришла безумная идея, навеянная недавней беседой с психологом...

– Вы так и будете молчать? – собеседница начала терять терпение. – Всё, я вешаю трубку!

– Подождите, это касается вашего... мужа... – неожиданно для себя брякнул я.

– Моего мужа? Вот как... Интересно... – проговорила Валя дрогнувшим голосом. – Что с ним?

– Ваш муж... понимаете, в общем, он...

– Ну, что, он? Что вы мычите?

– Этот человек... э-э-э...

– Виктор! – подсказала Валя.

– Вот именно, Виктор! Вы только не волнуйтесь, он жив и здоров! Просто... он... вам изменяет!

– Даже так?! – напряженно произнесла она. – А вы откуда знаете, и вообще, кто вы такой? Мы разве знакомы?

– Меня зовут Саша, я работаю вместе с Витей. И он мне много о вас рассказывал...

– Саша? Что-то не припомню, чтобы муж мне говорил о каком-нибудь Саше из своего отдела... Это всё, что вы хотели мне сообщить?

– Я недавно работаю, но с Витей мы уже успели подружиться... Он о вас всегда отзывался очень хорошо. Настолько, что я... в вас заочно влюбился! Именно поэтому невольно и обратился к вам на «ты», когда вы взяли трубку. Я ведь в душе давно вас так называю...

– Но вы же меня никогда не видели!

– Ошибаетесь! Виктор в телефоне вас показывал!

– Хм, допустим. И зачем же вы мне позвонили? Чтобы сообщить то, о чем я и так давно догадывалась?

– Не только! Валя, давайте с вами... встретимся, а? – выпалил я и сам удивился собственной наглости. Но было уже поздно! Как я буду выпутываться из этой ситуации, если вдруг Валя согласится, я не представлял! Хотя, конечно, вероятность этого ничтожна...

– Я согласна! – вдруг объявила она твердым голосом. – Давайте встретимся, Саша, хотя бы для того, чтобы вы мне рассказали, с кем изменяет мне мой муженек! Итак, завтра в семь вечера в кафе «Виктория»! Знаете, где это?

– Да, я приду! – прошелестел я и положил трубку.

Всё, дело сделано, и будь что будет! Я выключил свет, закрыл глаза и тут же провалился в беспокойный и тревожный сон.

На следующий день, придя чуть раньше назначенного времени, я топтался у входа в кафе с букетом цветов в руке и никак не мог решиться переступить его порог. И дело было даже не в том, что я не знал Валу в лицо и сомневался, что отыщу ее среди других посетителей. Меня вдруг обуял страх, который я не испытывал еще со времен института, когда пришел на первое свидание с девушкой из параллельной группы!

– Ну, вы идете уже, молодой человек? – недовольно произнесла за моей спиной какая-то пожилая тетка, порывавшаяся протиснуться мимо меня в кафе. – Вот истукан, прости господи! – прошипела она и, проходя, пихнула меня большой авоськой.

И, действительно, какого черта? Я решительно вошел в зал с тремя рядами столиков, освещенный приглушенным голубоватым светом. Играла тихая приятная музыка. Небольшое уютное заведение было заполнено не более чем наполовину. Я огляделся. Мне нужно было выбрать свободный столик где-нибудь ближе к выходу, чтобы Валя сразу смогла меня вычислить по букету.

– Саша! – вдруг окликнули меня откуда-то сбоку. Я повернулся на голос и... буквально застыл на месте: за столиком у окна сидела почти точная копия... моей собственной жены! Отличие было лишь в прическе – Наташа всегда предпочитала длинные волосы. – Это вы мне звонили насчет Виктора?

– Да, это я звонил! – я подошел к худенькой стройной светловолосой девушке с короткой стрижкой, перед которой стояла чашка кофе. Черты ее лица, большие серые глаза, аккуратный носик, открытые уши с изящными сережками – все напоминало мне мою супругу! Даже ее голос, немного приглушенный и хриловатый вчера, сегодня показался мне удивительно знакомым! Я не мог оправиться от шока. Меня охватило чувство, что я вернулся на три года назад, когда впервые увидел свою Наташу.

– Я освободилась сегодня немного раньше, поэтому пришла загодя. – Она с интересом меня разглядывала. – Я заказала себе кофе. А вы что будете пить?

За окном уже давно стемнело, а мы с Валею продолжали сидеть, находя всё новые и новые темы для разговора. Удивительное дело, но меня не покидало ощущение, будто я давным-давно знаю эту молодую женщину. Она тоже, казалось, прониклась ко мне необъяснимым доверием. Валя рассказывала о своей семейной жизни, о том, как тяжело порой ей приходится, как страдает она от отсутствия детей – у них с мужем так называемая «биологическая несовместимость», когда совершенно здоровые в физическом плане люди не могут иметь детей друг от друга. Возможно, также и по этой причине в их семье уже давно возник разлад. А частые командировки супруга, который по слухам изменял ей направо и налево, только еще больше вносили негатив в их совместную жизнь.

Я слушал ее спокойный, размеренный голос, и одна мысль, не переставая, сверлила мне мозг: как мне сообщить, что невольно обманул ее? Ведь я почти не сомневался, что узнав об этом, Валя встанет и уйдет навсегда, а этого я уже не хотел. С другой стороны, рано или поздно это все равно откроется и тогда...

– Валя, я хочу вам кое в чем признаться! – решил я, наконец. – Я был... не совсем честен с вами...

– Вы о чем? – невинно поинтересовалась она, склонив голову набок.

– Я не знаком с вашим мужем и ничего не знаю ни о нем, ни о его мифических изменах! – я шумно выдохнул. – Понимаете, я совершенно случайно набрал ваш номер и... соврал про вашего Виктора. Простите меня, если сможете. Сам не знаю, как это получилось. И мне очень стыдно, что ввел в заблуждение такую замечательную женщину, как вы! – я смотрел на нее, ожидая чего угодно – гнева, возмущения, молчаливого презрения. Но ее реакция оказалась совершенно иной!

– А я об этом еще вчера догадалась! – проговорила она, улыбаясь.

– Что? – не поверил я. – Но как?

– Моего мужа зовут не Виктор, а Сергей! – сообщила она, с интересом наблюдая за моей реакцией.

– Вот, значит, как? Если вы все знали, зачем же тогда пришли на свидание? – я ничего не понимал.

– По той же самой причине, по какой вы мне его назначили! – просто ответила Валя. – Мне было необходимо поговорить с кем-нибудь посторонним, понимаете? Излить душу, так сказать. Признаюсь, я не сразу поняла, что вы мне вешаете лапшу на уши, даже тогда, когда вы обратились ко мне на «ты», хотя ваш голос я слышала впервые. Но для человека, который решил сообщить важную новость и выбрал для этого глубокую ночь, вы вели себя крайне неуверенно и странно, и я заподозрила подвох. Поэтому и решила проверить вас, назвав мужа первым пришедшим мне на ум именем. А вы тут же и клюнули! Но знаете, Саша, я ничуть не жалею об этом. Иногда, чтобы понять себя и свое место в жизни, достаточно проговорить вслух свои проблемы, назвать некоторые вещи своими именами. Знаете, так бывает, когда совершенно незнакомые люди – например, в поезде – выкладывают друг другу все самое сокровенное. Так уж устроен человек! А тут вы подвернулись!..

Мы вот с вами разговаривали, а я всё думала, признаетесь вы в обмане или нет? И решила про себя: если вы продолжите врать, это наше свидание будет последним!

– Но я всё вам рассказал!

– Да, и это делаем вам честь! А, судя по тому, что вы мне поведали о себе, у вас тоже есть проблемы. И вообще, я абсолютно уверена, что в нашем мире ничего не происходит случайно!

– Вы всерьез считаете, что, набрав по ошибке ваш номер, я попал к вам не случайно?

– Думаю, да! Все дело в мотивации наших поступков! Подспудно мы оба хотели как-то изменить нашу жизнь. Я – потому, что совершенно убеждена, что с Сергеем мы не пара, но мне никогда не хватало духу разрубить этот узел. А вы – из-за своей ревности, которая основана на вашей неуверенности в своей избраннице и недоверии к ней. Наши желания совпали! Считайте, что вашими действиями руководили высшие силы, заставившие вас набрать нужный номер...

– Валя, вы случайно не философ-мистик? – усмехнулся я, но поймал себя на мысли, что эта женщина нравится мне все больше.

– А вот вы не поспите несколько ночей напролет, как я в свое время, сами станете философом не хуже меня!

– И что же вы мне посоветуйте?

– Поговорите с женой по душам – вот как мы с вами сейчас! Уверена, у вас и на это хватит мужества! Когда она приезжает из командировки?

– Через неделю...

– Дайте мне слово, Саша, что вы мне позвоните в любом случае. Я буду ждать!..

Когда Наташа приехала, я поговорил с ней начистоту, и она, к моему большому удивлению, с облегчением призналась мне, что уже давно считает наш брак ошибкой, что любит другого человека, что сама напрашивается на частые командировки для того, чтобы быть рядом с любимым, живущим в другом городе. Для меня это было большим потрясением, ведь я

искренне полагал, что жена меня любит... В общем, мы решили расстаться, но теперь для меня это уже не имело большого значения, ведь у меня была Валя!..

Я сдержал свое обещание, позвонил Валентине и все рассказал. Мы договорились встретиться, когда окончательно расставим все точки над «I» в своих прежних семейных отношениях. Она дала слово, что тоже поговорит с мужем серьезно. Ведь по ее собственным словам теперь у нее появилась ясная цель.

Встретились мы с Валею через несколько месяцев. Мы снова сидели в том же самом кафе, снова пили кофе, и все было точно так же, как и в первое наше свидание, за исключением одной детали: теперь мы с Валею говорили только о нас и строили совместные планы на жизнь. Мы были абсолютно уверены в том, что нас ожидают радужные перспективы и совершенно здоровый и крепкий сон!

Возмутитель спокойствия

Если бы мне задали вопрос, люблю ли я животных, я бы ответил, что отношусь к ним спокойно, хоть и осознаю, что любить братьев наших меньших – вполне естественно для любого нормального человека. Но таким уж я уродился!

Еще в детстве я завел как-то речь о щенке, но моя мама, которая не скрывала своей брезгливости к «блохастым» друзьям человека, произнесла свое категоричное «нет». И я, к своему удивлению, отнесся тогда к этому отказу с философским спокойствием...

С той поры утекло достаточно воды, изменилась жизнь, изменились мы сами. И когда моя семилетняя дочь впервые вынесла на повестку дня вопрос о приобретении «какого-нибудь щеночка», я, памятуя о том самом эпизоде, не был столь категоричным и попросил у дочери несколько дней на размышление.

«А почему бы и нет? – думал я, перебирая в уме все плюсы и минусы такого приобретения. – Аллергии на шерсть у нас, слава богу, нет. Животные сами по себе дисциплинируют своих хозяев, проявляя в них самые лучшие черты характера. Кроме того, собака вообще существо весьма полезное, если, конечно, речь идет о служебных породах – кто лучше собаки защитит своего хозяина, а тем более, маленькую хозяйку, от нежелательных встреч?»

Из минусов я видел всего лишь один – неизвестность! Кто знает, как изменится наша жизнь с появлением прирученного животного, о котором необходимо не только заботиться, но и нести за него серьезную ответственность?

Совещание на эту тему с женой, которой эта затея не понравилась, закончилось все же в мою пользу, но с оговоркой: «учти, нянчиться с псиной будешь сам!» Несмотря на восторженные крики дочери и ее уверения, что заниматься собачкой будет только она, я понимал, что все бремя ухода за животной падет именно на меня. Но внутренне я уже был к этому готов.

Теща, к моему несказанному удивлению, держала стойкий нейтралитет в этом вопросе.

Итак, решено: я покупаю собаку! Оставалось лишь выбрать породу, принимая во внимание, что содержание больших собак в многоквартирном доме весьма проблематично, а совсем маленьких пришлось бы защищать нам самим!

Целую неделю мы с дочерью с увлечением рассматривали различные собачьи атласы, перебирали кучу пород, совещались насчет длины шерсти, окраса и прочих атрибутов будущего члена семьи, но к единому мнению так и не пришли. Я хотел нечто brutальное, хотя и не слишком большое, дочка же предпочитала «маленьких, беленьких и пушистеньких!»

Наш спор совершенно неожиданно разрешился сам собой, и, самое главное, с той стороны, откуда не ждали! Моя теща вдруг объявила во всеуслышание, что дочь ее старинной подруги является заводчицей собак породы миттельшнауцер, и как раз сейчас есть возможность «по благу и совсем недорого» приобрести такого щенка!

Видимо, это было проявлением судьбы, ведь эта порода нами уже рассматривалась, как одна из наиболее приемлемых: «миттели» обладали относительно небольшими размерами, не линяли, были неагрессивными и относились к служебным породам. Лишь одно «но» сильно нас смущало: мы вычитали, что эти собаки отличаются повышенной эмоциональностью и нервозностью.

Если бы не теща, мы с дочерью наверняка выбрали бы другой вариант, но я прикинул, что именно такой ее «посыл доброй воли» в случае чего можно было бы использовать как козырь против нее самой – дескать, сами предложили!

Сказано – сделано! Уже на следующий день я отправился по адресу, где жила заводчица Нина. Согревал меня и тот факт, что, по словам той же тещи, я имел «право первого выбора!»

Пока ехал, я вспомнил, как в детстве читал одну книжку про бывалого охотника, который всегда подбирал себе щенков весьма оригинальным способом. Он бросал рядом с ползаю-

щей и повизгивающей массой связку ключей и выбирал того щенка, который доползал до этой связки первым! Такой «любопытный экземпляр» впоследствии оказывался самым умным и выносливым.

«Поступлю так же!» – решил я, но, все произошло иначе.

Нина встретила меня очень радушно, хотя видела впервые.

– Подождите, я сейчас закрою Вербу – многодетную мамашу наших семерых щенят! – сказала она.

Мы вошли в небольшую комнату, отведенную под «ясли». Я смотрел на черно-серые комочки с разноцветными нитками на шеях, копошащихся на вытертом коврикe, и умилялся.

– А почему их только шестеро? – с недоумением поинтересовался я.

– Один из них все время куда-то прячется! – весело проговорила заводчица. – А-а, вот ты где, красненький! – она вытащила из-под кровати седьмого щенка с красной ниточкой на серой пушистой шее и показала его мне. – Кстати, советую взять именно его!

– Почему? Мне он показался... несколько трусоватым. Все вон как дерутся, а этот забился под кровать...

– Возможно, зато именно у этого зубы прорезались раньше других! Это говорит о его хорошем здоровье и будущем физическом потенциале. – Она раскрыла его розовую пасть, демонстрируя небольшие белые клыки: – Полюбуйся, какая прелесть! А то, что трусоват, так воспитаешь, как подобает, и все будет тип-топ! – Нина завернула щенка в мягкую тряпицу и передала драгоценную покупку мне: – Ну, желаю успеха, собачник!

Так началась наша беспокойная жизнь. Как выяснилось, породистого клубного щенка по правилам, мне не ведомым, надлежало назвать на определенную букву. В данном случае это была буква «У».

Никогда не забуду, как мы всем семейством целый день занимались подбором имени, но все было не то. Наконец, моя жена сообразила заглянуть в энциклопедический словарь.

– Ульчи! – объявила она. – Давайте назовем его Ульчи – в честь одного малого северного народа.

Никто не возражал, и вскоре это необычное для собаки имя накрепко привязалось к нашему питомцу.

Прошел год, Ульчи превратился в красивого, очень подвижного, любопытного и удивительного сообразительного пса. Уже через короткое время я мог гулять с ним без поводка, что в принципе не приветствовалось в людных местах. Но наши соседи уже хорошо знали мою собаку и никогда не делали мне замечания. Я совершенно не опасался, что он может куда-то убежать, кого-то напугать или, тем более, укусить. Наш Улька, как мы иногда его называли, был само добродушие.

Но были у нас и проблемы. К сожалению, репутацию своей породы в части нервозности он подтвердил полностью и даже с лихвой! Дело в том, что наш пес не мог смириться с присутствием чужих людей, посягнувших на «его территорию». Хотя на даче это было даже полезно. Целый день он как угорелый носился вдоль забора, облаивая всех, кто хоть на метр приближался к нему. Но это, к сожалению, сильно отражалось на всех, кто приходил к нам в гости. Собака в буквальном смысле становилась неуправляемой, и только я мог хоть как-то воздействовать на него.

Во мне Улька признавал «старшего по званию» и немного побаивался. Все же остальные для него авторитетом не являлись, и в мое отсутствие туго становилось не только нашим гостям, но и домочадцам. Он неотступно сопровождал «пришельца» и скандалил до тех пор, пока тот не уходил.

– Не бойтесь, он не кусается! – извинялись домашние.

– Да, да, мы понимаем – собака! – кивали головой гости и сокращали свой визит до минимума.

– Это невозможно! – говорила мне жена. – К нам вообще скоро никто не будет приходить!

– А к нам и так уже никто не ходит! – жаловалась моя повзрослевшая дочь, которая свои дни рождения стала отмечать вне дома. – Сделай же что-нибудь, папа! Я никого из своих друзей не могу пригласить, если тебя нет дома!

– Зато маме не надо убирать квартиру после ваших посиделок! – невесело шутил я, но мысленно корил себя за то, что в свое время отказался от занятий с клубным кинологом, к которому нужно было ездить за город...

И только теща никогда не вступала в эту полемику. Осознавая свою особую роль в этом домашнем кошмаре, она тихо ненавидела Ульки, за глаза обзывая его «чертом и дьяволом».

Впрочем, наш умный пес прекрасно понимал, кто как к нему относится и расплачивался той же монетой. Удивительно, но тещу, которая тоже принимала участие в его кормлении, он «презирал» – не позволял гладить себя даже в редкие минуты ее благожелательного отношения.

Мою дочь он просто «терпел», когда она его всячески тискала, будто понимал, что именно ей он обязан своим появлением в доме. Жена же относилась к нему достаточно равно. В отличие от других, она никогда не повышала на него голос, хотя изначально была единственной противницей его приобретения. И Ульчи это оценил, по-собачьи искренне проявляя свои чувства! Он частенько клал голову ей на колени, прикрывая в блаженстве глаза, когда она перебирала на холке его жесткую шерсть.

У нас же с Улькой сложились весьма непростые отношения. По характеру я – человек достаточно вспыльчивый, и псу нередко доставалось от меня за проказы. Он это хорошо усвоил, и старался при мне вести себя прилично, что давалось ему с большим трудом. Особенно сильно его непослушание проявлялось, когда дело касалось его «мужского» естества.

Стоило нам с ним во время прогулки случайно набрести на потенциальный объект любви противоположного пола, как моя собака становилась неузнаваемой. Ульчи бегал за сукой, я бегал за Ульчи, и ничем хорошим, как правило, это не кончалось. Набегавшись за непокорным псом, я терял терпение и уходил домой. Я знал, что, нагулявшись, он сам придет к подъезду. Так было не раз, когда он требовательным лаем давал понять всем окружающим, что уже пришел.

Я спускался вниз, и тут начиналось представление. Ульчи прекрасно понимал, что прощтрафился, что его ждет неминуемая взбучка, поэтому, завидев меня, он с независимым видом не спеша удалялся прочь. И тогда, что бы я ни делал, как бы ласково с ним не разговаривал, перехитрить умное животное мне не удавалось. Дело доходило до смешного: я шел за ним, не переставая звать его, а он делал вид, что не слышит меня, и с той же скоростью уходил от меня, обходя наш дом по кругу. Я изменял направление, чтобы перехватить его с другой стороны, но чертов пес каким-то непостижимым образом разгадывал и этот маневр. Он осторожно высывался из-за угла и, завидев меня, тут же скрывался. В эти минуты я был готов его убить, и мне казалось, что в миттеля вселялся сам дьявол, настолько не по-собачьи он был умен!

Наконец, я сдавался и просил жену, чтобы она забрала с улицы эту «хитрую бестию». Поразительно, но уже через пять минут супруга преспокойно приводила его домой, а я чувствовал себя посрамленным в этом поединке человека с животным. Порой мне казалось, что это вовсе и не животное, а человек в образе собаки, такой же член семьи со своим чрезвычайно непростым характером и привычками. И нам всем, хочешь – не хочешь, с этим приходилось мириться...

Этот кошмар так бы и продолжался, если бы не одна история, приключившаяся на даче.

Стояла прекрасная теплая погода, мы занимались уборкой участка после зимы, а Ульчи, как обычно бегал вдоль забора. Все были так увлечены работой, что не сразу заметили пропажу пса. А он, видимо, нашел дыру под забором и был таков! Мы долго искали его, кричали, но все было тщетно. Делать было нечего, развесив на всех столбах объявление о пропаже, мы уехали

домой. Все были сильно расстроены, и только теща тихо проронила фразу о том, что наши мучения, наконец, закончились. Не знаю, что творилось в душах домочадцев, но мне было его безумно жалко, и я решил обязательно продолжить поиски в следующие выходные.

Но через три дня раздался телефонный звонок, и мужской голос сообщил, что уже несколько дней из сарая его соседа по даче раздается собачий лай, переходящий в вой.

– Возможно, это ваша собака, – предположил он, – приезжайте поскорее, пока она еще жива!

– А кто он такой – ваш сосед? – спросил я.

– Я его плохо знаю, он совсем недавно купил эту дачу. Приезжает по выходным и катается по поселку на велосипеде с большой овчаркой на поводке. А у нее сейчас течка, и ваш кобелек, возможно, попался на эту приманку!

На следующий день я отпросился с работы и поехал по указанному адресу. Прихватив из машины фомку, я подошел к чужой калитке и прислушался с замиранием сердца. Лая слышно не было. Тогда я на всякий случай позвонил в звонок и... решительно полез через забор. Уже на подходе к низенькому одиноко стоящему строению с единственным окном со ставнями, я, наконец, с радостью услышал хриплый лай, который мгновенно узнал!

– Ульчи, Ульчи! – позвал я, и мой бедный пес, узнав мой голос, так жалобно заскулил, что у меня невольно навернулись слезы. – Подожди мой хороший, сейчас я тебя выручу!

Если бы в тот момент появился изувер-хозяин, я не знаю, что бы с ним сделал! С помощью фомки я с большим трудом вскрыл ставни и тут же через стекло увидел мою собаку, прыгающую к окну. Еще несколько мгновений, и я уже держал в руках совершенно исхудавшее животное со свалявшейся шерстью, грязное и измученное. Мне даже показалось, что у него, как у человека, выступили от радости слезы на глазах...

С тех пор Ульчи совершенно изменился! Наш пес стал послушным и спокойным. Порой мне даже казалось, что это вовсе и не он – настолько он был не похож на себя прежнего. У нас в доме, наконец-то, стали появляться гости...

Заводчица Нина оказалась совершенно права: Ульчи был единственным из всего выводка, кто сумел дожить до глубокой старости... Вот уже десять лет, как его нет, но вспоминаем мы о нем с большой теплотой. А я – тем более, хотя и отношусь к животным совершенно спокойно...

Вокзальная жизнь

Наверное, не найдется ни одного человека, который хотя бы раз не был на железнодорожном вокзале. А вокзал мегаполиса – это вообще отдельно взятое государство со своими неписаными законами, властью, порядком и жизнью! И хотя этот большой гудящий муравейник постоянно обновляется основной своей составляющей – людьми, в целом в нем ничего не меняется.

Мне часто приходится ездить по стране, и всяких вокзалов – больших и малых – я перевидал немало. И всегда создавалось ощущение, что я попадал в другой мир, некое переходное пространство между прошлым и будущим, своеобразное чистилище перед новым жизненным этапом.

Может, поэтому мне всегда было немного грустно, когда я покидал гостеприимный или не очень зал ожидания, проходил на платформу, куда, возможно, никогда больше не ступлю, и садился в поезд, уносящий меня далеко от мест, с которыми уже успел свыкнуться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.